

И. И. ЛАППО.

Идея единства русскаго народа

въ Юго-Западной Руси

въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Московскому государству.

ПРАГА, 1929.
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ О-ВО «ЕДИНСТВО».

И. И. ЛАППО.

Идея единства русскаго народа

въ Юго-Западной Руси

въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Московскому государству.

ПРАГА, 1929.
ИЗДАТЕЛЬСКОЕ О-ВО «ЕДИНСТВО».

Типографія «Школьной Помощи» въ Ужгородѣ.

Вечеромъ 7 января 1654 года, наканунѣ провозглашенія малороссійскимъ казачествомъ своего подданства Московскому царю, бояринъ В. В. Бутурлинъ, присланный въ Малороссію царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, вмѣстѣ съ другими членами московскаго посольства, въ Переяславлѣ, въ своемъ «дворѣ», принималъ гетмана Богдана Хмельницкаго и войсковаго писаря Ивана Выговскаго. Сказанное на этомъ пріемѣ Хмельницкимъ и Выговскимъ было записано въ статейномъ спискѣ посольства, т. е. въ оффиціальномъ документѣ, такъ: «Милость де Божія надъ нами, якоже древле при великомъ князѣ Владимірѣ, такъ же и нынѣ сродникъ ихъ, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичь всеа Русіи самодержецъ, призрилъ на свою государеву отчину Кіевъ и на всю Малую Русь милостью своею; яко орелъ покрываетъ гнѣздо свое, тако и онъ государь изволилъ насъ принять подъ свою царского величества высокую руку; а Кіевъ и вся Малая Русь вѣчное ихъ государского величества; а мы де всѣ великому государю, его царскому величеству, служить и прямить во всемъ душами своими и головы свои за его государское многолѣтное здоровье складывать ради»[1]).

Хмельницкій и Выговскій, такимъ образомъ, заявили московскимъ посламъ, что они признаютъ Кіевъ и всю Малую Россію «вѣчнымъ» достояніемъ Московскаго царя, на которое онъ имѣетъ наслѣдственное право. Но Хмельницкій такъ же ясно говорилъ и объ единствѣ всего народа «россійскаго», часть котораго составляютъ малороссіяне. Приведемъ хотя бы одно изъ выраженій имъ этой мысли. 13 марта 1654 года гетманъ писалъ царю Алексѣю: «И нынѣ Богъ всевѣдущій и вседаровитый, неизреченными судбами божественными, единою двое се сотворилъ — и ляхомъ, нашимъ врагомъ, гордыню выя ихъ смирилъ, и совѣтъ благъ въ сердце царево тебѣ, великому государю царю и великому князю Алексѣю Михайловичю, всеа Русіи самодержцу, твоему царскому величеству, вложилъ, что твое царское величество, поревновавъ по Бозѣ Вседержители и

по вѣрѣ православной восточной, и возжелѣлся о церквахъ Божіихъ и мѣстъ святыхъ, и о народѣ російскомъ благочестиво-христіянскомъ умилосердился, и насъ, Богдана Хмелницкого, гетмана войска запорожского, и все войско запорожское и весь міръ православный російскій пожаловати, ущедрити, защитити и подъ крѣпкую и высокую руку свою царскую всеконечне пріяти изволилъ милостиво»[2]).

Были ли эти утвержденія о наслѣдственномъ правѣ царя «всея Руси» на Малороссію и объ единствѣ ея народа съ русскимъ народомъ Москвы только приспособленными къ политической обстановкѣ момента мыслями или даже простыми фразами Богдана Хмельницкаго и лицъ, стоявшихъ во главѣ казачества, или они выражали собою то историческое знаніе, которое было достаточно утверждено и обосновано тогдашнимъ изученіемъ историческаго прошлаго Малой Россіи? Обладательницею и хранительницею этого знанія была высшая малороссійская интеллигенція, представленная прошедшими тогдашнюю научную школу кругами малороссійскаго духовенства. Посмотримъ, что́ говорили и писали высшія духовныя лица Малороссіи объ ея присоединеніи къ Москвѣ въ его историческомъ значеніи.

16 января 1654 года бояринъ Бутурлинъ со своими спутниками подъѣзжалъ къ Кіеву. За десять верстъ отъ города его ожидала встрѣча казаковъ, съ ихъ сотниками и девятью знаменами, а версты за полторы отъ Кіева встрѣчалъ его Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ, сопровождаемый Черниговскимъ епископомъ Зосимою, Печерскимъ архимандритомъ Іосифомъ Тризною, игуменами и намѣстниками разныхъ монастырей. И Сильвестръ Коссовъ, какъ извѣстно, очень энергично отстаивавшій права и значеніе малороссійской церкви отъ поглощенія ихъ московскимъ патріархатомъ, сказалъ царскимъ посланникамъ слѣдующее: «Внегда приходите отъ благочестиваго и христолюбиваго, свѣтлѣйшаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Русіи самодержца, отъ православнаго, православныи царстіи мужіе, желаніе имуще еже посѣтить благочестивое древнихъ великихъ князей Русскихъ наслѣдіе, внегда приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго Россійскаго великаго князя,—исходимъ вамъ въ срѣтеніе и цѣлуетъ васъ, въ лицѣ моемъ, онъ, благочестивый Владиміръ, великій князь Русскій; цѣлуетъ васъ святый апостолъ

Андрей Первозванный, провозвѣстивый на семъ мѣстѣ велію просіяти славу Божію, яже нынѣ вашимъ пришествіемъ благополучно паки обновляется; цѣлують васъ общему житію начальницы, преподобніи Антоній и Ѳеодосій Печерстіи, и вси преподобніи, лѣта и животъ свой о Христѣ въ сихъ пещерахъ изнурившіи; цѣлуемъ и мы о Христѣ ваше благородіе, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, цѣлующе жъ любовне взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на сѣдалище первѣйшее благочестія русскаго, да вашимъ пришествіемъ обновится, яко орлу юность, наслѣдія благочестивыхъ великихъ князей Русскихъ»[3]).

Подобныя же мысли высказывали и другія духовныя лица. Вотъ, хотя бы, два примѣра. Слуцкій архимандритъ, игуменъ Михайловскаго Златоверхаго монастыря въ Кіевѣ, Ѳеодосій Василевичъ, писалъ 5-го іюля 1654 года: «Воздвигнулъ въ нынѣшнее радостное лѣто, отъ многихъ лѣтъ усопшаго великого равноапостольнаго князя Російского святаго Владимера, Господи, живыми и мертвыми обладаяй, егда ваше царское величество постави всеа Россійскія Земли, якожъ и оного прежде самодержцу, возвелъ погребенную російского рода честь и славу Господь, возводяй низверженныя, егда славою и честію вѣнчалъ есть ваше царское величество не точію Великой, но и Малой всей Росіи обладателемъ». Онъ же писалъ дальше: «Наипаче жъ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ, отъ него жъ, яко отъ Сіона, законъ изыде съ просвѣщеніемъ и крещеніемъ всеа Російскія Земли»[4]). Другой представитель тогдашняго высшаго малороссійскаго духовенства, намѣстникъ Кіевскаго Братскаго монастыря, «священноинокъ Ѳеодосій», между прочимъ, писалъ царю изъ Кіева отъ 3 іюля 7162 (т. е. 1654) года: «И якоже азъ, старецъ Ѳеодосій, твой государевъ богомолецъ, егда еще во царствующемъ градѣ Москвѣ сый, сея зимы услышахъ, яко наша Малая Росія царского вашего величества, яко природному своему царю православному, православная главу свою, яко рабыни государю, съ радостію прекланяетъ»[5]).

Если приведенныя сейчасъ выраженія исторической мысли малороссійскихъ дѣятелей времени присоединенія Малороссіи къ Московскому государству сведемъ во-едино, получимъ слѣдующую историческую концепцію. «Россійская Земля» была раньше вся подъ властью великаго князя «Русскаго» Владиміра. Кіевъ и вся Малая Русь — «вѣчное»

достоянiе его преемниковъ. Во всей «Россiйской Землѣ» живетъ единый «народъ росiйскiй благочестиво-христiянскiй». Отдѣленная отъ остальной Россiи, Малая Русь въ 1654 году переходитъ изъ-подъ польскаго владычества подъ власть царя «всеа Россiйскiя Земли», какъ къ «природному своему царю православному», возвращается къ нему, какъ «древнихъ великихъ князей Русскихъ наслѣдiе». Передъ нами, такимъ образомъ, совершенно опредѣленно и ясно выраженное представленiе объ единствѣ историческомъ Малой Россiи съ Великою, народъ которыхъ составляетъ единое цѣлое. Представленiе это было дано тѣмъ историческимъ знанiемъ, которымъ тогда обладала Малороссiя. Это знанiе давало совершенно опредѣленный и убѣдительный отвѣтъ на вопросъ объ историческомъ единствѣ русскаго народа и Русской Земли, если у кого-либо этотъ вопросъ являлся и онъ его разрѣшенiя искалъ въ историческихъ трудахъ того времени.

Обратимся же къ старой исторической литературѣ тѣхъ государствъ, въ составъ которыхъ входила Малороссiя до ея присоединенiя къ Московскому государству. Земли Русскаго Юга въ XIV-мъ столѣтiи были собраны Великимъ Княжествомъ Литовскимъ почти всѣ, за исключенiемъ Галичины и части Подолья, сдѣлавшихся въ томъ же столѣтiи владѣнiями Польши. Въ 1569-мъ году, на Люблинскомъ сеймѣ, воеводства Волынское, Подольское и Кiевскiй повѣтъ были оторваны отъ Литовско-Русскаго государства Польшею и вошли въ составъ ея территорiи. Какiе же историческiе труды въ концѣ XVI-го и въ первой половинѣ XVII-го столѣтiй имѣли наибольшее распространенiе въ Польской Коронѣ, а стало быть, и на Русскомъ Югѣ? — Это были, конечно, хроники Стрыйковскаго и Мартина Бѣльскаго. «Хроника Польская, Литовская, Жмудская и всей Руси», составленная Матвѣемъ Стрыйковскимъ, была напечатана въ Кролевцѣ въ 1582 году. Мы не станемъ входить здѣсь въ разсмотрѣнiе вопроса объ исторической точности и достовѣрности извѣстiй Стрыйковскаго, хотя и не можемъ не отмѣтить, что невысокая оцѣнка ихъ, долго державшаяся въ исторической литературѣ со времени Шлецера, въ новѣйшее время значительно измѣнилась въ пользу этого хрониста, особенно благодаря приведенiю въ извѣстность ряда списковъ литовско-русской лѣтописи, которой тексты под-

твердили многія изъ заподозрѣнныхъ извѣстій Стрыйковскаго. Для насъ важна распространенность его Хроники и ея вліяніе на общество интересующаго насъ времени, а въ нихъ ни малѣйшаго сомнѣнія быть не можетъ.

Какъ же смотритъ Стрыйковскій на русскій народъ и отдѣляетъ ли, по ихъ народности, малороссовъ отъ остального русскаго народа? На этотъ вопросъ отвѣтъ можетъ быть только одинъ: весь этотъ народъ представляется ему единымъ. Указавъ на различіе мнѣній историковъ о «славакахъ и Славенскихъ земляхъ народа русскаго или сармацкаго, откуда бы произошло это ихъ названіе», Стрыйковскій говоритъ: «Но откуда бы руссаки и иные русскіе народы ни имѣли имя и прозваніе, они всѣ говорятъ славянскимъ языкомъ». «Русская монархія» внушала страхъ «не только Литвѣ, но и Греческимъ императорамъ, половцамъ, печенѣгамъ, болгарамъ, сербамъ, венграмъ, полякамъ и инымъ также сосѣдямъ». Это было какъ во времена Рюрика, Олега и Игоря, такъ и въ эпоху Святослава, Владиміра и Ярослава. Говоря объ Ольгердѣ, Стрыйковскій отмѣчаетъ, что этотъ литовскій князь имѣлъ одну за другою двухъ женъ, «и обѣихъ русскихъ». А этими женами были княжна Витебская и княжна Тверская. Такимъ образомъ, и въ Витебскѣ, и въ Твери одни и тѣ же русскіе люди. Но одинъ и тотъ же русскій народъ живетъ и во всѣхъ русскихъ земляхъ Великаго Княжества Литовскаго, будетъ ли это та территорія, которая въ болѣе новое время получила названіе Бѣлоруссіи, или та, которая стала именоваться Малороссіей. Разсказывая о движеніи, поднятомъ въ началѣ XVI-го вѣка извѣстнымъ Глинскимъ, Стрыйковскій говоритъ объ его планѣ перенесенія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ великаго княженія изъ Литвы на Русь и возстановленія «монархіи Кіевской»[6]).

Мы не станемъ утруждать читателя дальнѣйшими цитатами изъ хроники Стрыйковскаго. Думается, что и приведенныхъ мѣстъ ея достаточно, чтобы составить себѣ совершенно ясное представленіе о томъ, какъ онъ понималъ составъ русскаго народа. По Стрыйковскому, один ъ и тотъ же русскій народъ живетъ по всей Руси, будетъ ли это ея западъ, югъ, или сѣверо-востокъ, т. е. тѣ ея части, которыя теперь называются Бѣлоруссіей, Малороссіей или Великороссіей. Такое же пониманіе найдемъ и въ другой, очень распространенной тогда, хроникѣ,

а именно, въ хроникѣ Мартина Бѣльскаго. Первое изданіе ея вышло въ 1551-мъ году, въ 1554-мъ году уже появилось изданіе второе, а черезъ десять лѣтъ послѣ него, въ 1564-мъ году было выпущено и третье. Хроника Бѣльскаго стала настольною книгою для всѣхъ любителей историческаго чтенія во второй половинѣ XVI-го столѣтія; она оставалась такою же и въ XVII-мъ вѣкѣ.

Какъ и Стрыйковскій, Бѣльскій сообщаетъ много росказней, обращавшихся въ тогдашней письменности, часть которыхъ имѣетъ достаточно фантастическое содержаніе. Тутъ и разсказъ о переводѣ блаженнымъ Іеронимомъ Библіи на славянскій языкъ, и грамота Александра Македонскаго славянамъ, и другіе вымыслы, которымъ наивно вѣрилъ тогдашній читатель. Что касается русскаго народа, то о происхожденіи его Бѣльскій говоритъ такъ: «Откуда Русь имѣетъ имя, объ этомъ существуютъ различныя людскія мнѣнія. Хотя наши старшіе хронисты, какъ Длугошъ и Мѣховита, и думаютъ, что они названы такъ отъ Руса, брата или внука Леха, но этого не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ, такъ какъ Русь много старше (какъ я это достаточно показалъ, когда писалъ о началѣ нашего народа), чѣмъ нашъ предокъ Лехъ туда пришелъ. То можетъ быть, что этотъ Русъ, внукъ Леховъ, о которомъ они разсказываютъ, могъ господствовать надъ Русіей, но Русь уже давно такъ Русіей называлась. Другіе хотятъ вести ея названіе отъ мѣстечка Руссы, которое находится недалеко отъ Новгорода въ Москвѣ, а иные отъ русыхъ волосъ, съ какими теперь болѣе всего видишь руснаковъ. Другіе ее также отъ Фетъ Русыма, потомка Хама, выводятъ, какъ Северинъ Доминиканецъ въ Генеалогіи Христа Господа, которая недавно вышла въ Римѣ. А иные отъ князя Росъ, котораго встрѣчаемъ у Езекіиля въ Священномъ Писаніи. Но самое вѣрное, что отъ разсѣянія, какъ я писалъ раньше, имѣютъ имя, ибо этотъ народъ такъ сильно распространился по свѣту, что наполнилъ собою великую часть Европы и Азіи. Надобно думать, поэтому, что то былъ народъ воинственный, но писать въ немъ научились не скоро, какъ и мы, а потому онъ не можетъ разсказать о себѣ ничего стародавняго».

Передавая дальше преданія, записанныя въ русской лѣтописи, Бѣльскій разсказываетъ о Щекѣ, Кіи, Хоривѣ и Лыбеди. Они, по его словамъ, раздавали пустые края своимъ князьямъ для постройки въ нихъ замковъ. Такими князьями

были Радимъ, Вятко и Дулебъ. Отъ перваго пошли радимичи, надъ Саномъ, отъ второго — вятчане, надъ Волгой, отъ третьяго — дулебане, надъ Бугомъ. Потомками Кія были Аскольдъ и Диръ, которые расширяли государство на югъ. Князей надъ собою русскіе затѣмъ поставили изъ другого народа, чтобы они не были пристрастны къ своимъ родственникамъ или свойственникамъ. Этихъ князей было трое, а именно, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, которые происходили изъ народа варяжскаго. Этотъ народъ, безъ сомнѣнія, былъ славянскимъ и долженъ былъ жить гдѣ-либо по близости отъ моря, еще теперь называемаго Москвою Варяжскимъ. Выраженія «русинъ», «русакъ» Бѣльскій употребляетъ въ совершенно равнозначущемъ значеніи. Они живутъ и на югѣ, и на сѣверѣ Русской Земли. Оба эти слова означаютъ — «русскій». Когда позднѣе князь Литвы Рынгольтъ началъ писаться великимъ княземъ Литовскимъ, Жмудскимъ и Русскимъ, другіе русскіе князья, а особенно князь Кіевскій, стали ему на это возражать, ибо Кіевскій князь приписывалъ себѣ власть надъ всею Русью, какъ это дѣлаетъ теперь князь Московскій[7]).

Мы могли бы очень значительно увеличить количество цитатъ изъ хроники Мартина Бѣльскаго, говорящихъ объ его пониманіи русскаго народа какъ единаго, живущаго на всемъ протяженіи Русской Земли. Ограничимся приведенными. Уже въ нихъ совершенно отчетливо выступаетъ это его пониманіе. Оно было тѣмъ же, какъ и у Стрыйковскаго. Обѣ эти хроники, изданныя на польскомъ языкѣ, благодаря знакомству съ послѣднимъ широкихъ круговъ общества Малороссіи, имѣли въ немъ большое распространеніе. Но тогдашнее образованіе требовало и знанія языка латинскаго отъ всѣхъ тѣхъ, кто хотѣлъ считать себя образованнымъ человѣкомъ. Обратимся же къ латинскимъ трудамъ историческаго содержанія, обращавшимся въ Польшѣ и въ Литвѣ въ XVI-мъ и XVII-мъ столѣтіяхъ, и посмотримъ, что́ они говорятъ по интересующему насъ вопросу. Начнемъ нашъ обзоръ не съ болѣе раннихъ трудовъ, а, наоборотъ, съ тѣхъ, которые къ серединѣ XVII-го столѣтія были болѣе распространены въ Польскомъ и Литовско-Русскомъ государствахъ.

Сочиненіе Вармійскаго епископа Мартина Кромера «Происхожденіе и исторія поляковъ» должно быть тутъ поста-

влено на первомъ мѣстѣ. Конечно, для насъ особенно интереснымъ должно быть то, какъ понимаетъ Кромеръ отношеніе русскаго народа, живущаго въ Малороссіи, къ народу Московскаго государства,—представляютъ ли они части одного и того же народа, или являются двумя отдѣльными, самостоятельными народностями? На этотъ вопросъ Кромеръ даетъ совершенно опредѣленный отвѣтъ. Говоря о населеніи Европейской и Азіятской Сарматіи и приведя различныя толкованія имени «Моски», онъ пишетъ: «Но одинъ изъ многихъ народовъ такъ сталъ называться отъ рѣки и города Москвы, приблизительно съ того времени, когда, послѣ раздѣленія руссовъ на многія княжества, князь Іоаннъ, сынъ Даніила, сдѣлался главою этой территоріи и, возстановивъ крѣпость, которая раньше была незначительной и неизвѣстной, тамъ устроилъ свою резиденцію. Его потомки не только подчинили себѣ всѣхъ князей того же языка и той же народности; остальные также народы русскихъ, много крупнѣйшіе, древнѣйшіе и важнѣйшіе, чѣмъ Мосхи въ то время, а именно владимірцы, новгородцы, ярославцы, тверичи, можайцы, суздальцы, псковичи, рязанцы, сѣверцы и другіе, будучи всѣ завоеванными, вошли въ московское имя, притомъ, однако, такъ, что даже и теперь еще одинаково охотно признаютъ имя русскихъ. Такъ, нѣкогда Кіевскій, а теперь Московскій митрополитъ еще именуется митрополитомъ Россіи, какъ другими, такъ и Константинопольскимъ патріархомъ, и самъ этотъ титулъ, какъ болѣе значительный и почетный, чѣмъ Московіи, употребляетъ. И сами также Московскіе князья не столько Московъ, сколько всей Россіи господство въ своихъ написаніяхъ, хотя и ложно, себѣ присваиваютъ. Оттуда ясно, что имя московъ не древнее и что они составляютъ часть Русскихъ и нѣкій одинъ народъ, не такъ давно измѣнившій свое названіе отъ крѣпости-города, который на громадныя пространства земель отстоитъ отъ древней страны этихъ московъ или мосхиновъ». Въ другомъ своемъ трудѣ, «Полонія», въ главѣ «О расположеніи Польши и о польскомъ народѣ», тотъ же Кромеръ, говоря о входившей въ составъ Польши Красной, т. е. Червонной Руси, отмѣчаетъ: «нѣкогда Подолія и Русь, какъ та, которая нынѣ является частью Польши, такъ и та, которая находится подъ властью литовцевъ и московъ, имѣла своихъ князей, какъ мы это болѣе обстоятельно показали въ исторіи»[8]).

Едва ли возможно требовать отъ писателя болѣе яснаго выраженія мысли объ единствѣ русскаго народа, чѣмъ то, которое далъ Кромеръ. Не менѣе отчетливо выразилъ эту мысль и Александръ Гванини. Родомъ изъ Вероны, онъ въ серединѣ XVI-го вѣка служилъ ротмистромъ въ войскахъ Сигизмунда Августа, Генриха Валуа и Стефана Баторія. Въ 1578 году онъ вернулся въ свое отечество, «до Влохъ». Во время своего пребыванія въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ и въ Польшѣ, Гванини внимательно присматривался къ мѣстной жизни, изучалъ ея строй, собиралъ свѣдѣнія по исторіи государствъ и земель, въ которыя его бросила судьба. Изъ его замѣтокъ и наблюденій выросла цѣлая книга, которую онъ, еще находясь въ Краковѣ, передъ своимъ отъѣздомъ на родину въ 1578 году, посвятилъ Стефану Баторію. Это его «Описаніе Европейской Сарматіи» вышло въ свѣтъ въ 1581 году. Гванини не принадлежитъ къ числу тѣхъ проѣзжихъ иностранцевъ, которые съ легкимъ сердцемъ писали свои книги о Россіи, Литвѣ и Польшѣ, въ сущности ихъ совершенно не зная и разбавляя свои очень поверхностныя наблюденія и случайныя замѣчанія всевозможными росказнями, домыслами и непровѣренными слухами. Онъ имѣлъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ «осѣлость», пожалованную ему за его службу Литовскимъ великимъ княземъ. Онъ въ значительной степени сжился со страною, въ которой жилъ и которой служилъ, и въ своемъ «Описаніи» ея обнаруживаетъ безусловно достаточную о ней освѣдомленность. Русскій народъ онъ зналъ хорошо. Вмѣстѣ съ русскими Великаго Княжества Литовскаго и Польши онъ совершалъ походы, ихъ онъ видѣлъ и въ мирной обстановкѣ ихъ жизни, въ ихъ городахъ, селахъ и деревняхъ. Зналъ онъ и русскихъ Московскаго государства, встрѣчался съ ними въ бояхъ, наблюдалъ ихъ взятыми въ плѣнъ и живущими на мирной работѣ. Какъ же Гванини представляетъ себѣ Русь и ея составныя части? Она — въ его пониманіи — едина, но въ его время была раздѣлена между тремя государствами: Москвою, Литвою и Польшею. Гванини пишетъ: «Надъ землями Руссіи господствуютъ, главнымъ образомъ, два государя, а именно, великій князь Московскій, именующій себя повелителемъ цѣлой Руссіи, ибо онъ обладаетъ многими ея княжествами, второй (т. е. государь) — король Польши, который стоитъ также и во главѣ Великаго Княжества Литовскаго, владѣетъ Русскими княжествами, при-

соединенными къ Литвѣ, а именно Витебскимъ, Кіевскимъ, Мстиславскимъ и т. д.»[9]).

Такимъ образомъ, для Гванини единство русскаго народа не подлежитъ сомнѣнію. Единымъ же считаетъ его писатель середины XVI-го вѣка, литовецъ по своему происхожденію, Михалонъ Литвинъ. Вотъ нѣсколько цитатъ изъ сочиненія Михалона, иллюстрирующихъ этотъ его взглядъ. «Кіевъ», говоритъ онъ, «былъ прежде столицею Русскихъ и Московскихъ князей. Здѣсь они приняли христіанство. И теперь еще въ Кіевѣ есть церкви, построенныя съ большими издержками изъ мрамора и другихъ иностранныхъ матеріаловъ, съ кровлями свинцовыми, мѣдными, а мѣстами и золочеными. Есть и монастыри очень богатые, особенно монастырь Пресвятой Дѣвы Маріи. Въ тайникахъ и подземныхъ ходахъ его находятся многія гробницы, въ коихъ лежатъ сухія и неповрежденныя тѣла, пользующіяся, какъ тѣла святыхъ, большимъ уваженіемъ у русскихъ. Кто здѣсь погребается, душа того почитается спасенной, и потому лучшее дворянство, даже изъ отдаленныхъ мѣстъ, ищетъ себѣ здѣсь могилъ за большія деньги. Московскій князь ежегодно собираетъ большую сумму денегъ съ помѣстьевъ этого монастыря, взятыхъ имъ въ свое владѣніе. Но онъ медлитъ возвратить ихъ (монастырю), потому что самъ желаетъ этого мѣста, которое ему нравится, и говоритъ, что онъ происходитъ отъ князя Кіевскаго Владиміра; не менѣе скорбятъ и подданные его о томъ, что не владѣютъ этой древней столицей своихъ царей и святыни». Разсказывая о Таврической землѣ, Михалонъ пишетъ: «И теперь даже нѣкоторые города, хотя и упавшіе, обширностью объема и развалинъ напоминаютъ прежнее величіе, особенно же такъ называвшійся у насъ Сольготъ, у москвитянъ — Крымъ, у грековъ — Ѳеодосія, да еще древняя столица Корсунь, которая народу русскому дала крещеніе и христіанское имя, а послѣ, разрушенная нашими племенами, доставила имъ богатую добычу. Въ храмахъ нашего Кіева до сихъ поръ существуютъ вѣрные признаки этой добычи въ каменныхъ, мраморныхъ и мозаичныхъ работахъ; отсюда же и двери въ Гнѣзненскомъ соборѣ». Разсказывая о продажѣ плѣнныхъ въ Крыму, Михалонъ говоритъ, что, «когда рабовъ выводятъ на продажу, то ведутъ ихъ на площадь гуськомъ, какъ-будто журавлей въ полетѣ, цѣлыми десятками, прикованныхъ другъ къ

другу около шеи, и продаютъ такими десятками съ аукціона, причемъ аукціонеръ кричитъ громко, что это рабы самые новые, простые, не хитрые, только-что привезенные изъ народа королевскаго, а не московскаго; московскій же родъ считается у нихъ дешевымъ, какъ коварный и обманчивый». Такимъ образомъ, населеніе различается авторомъ по государствамъ, въ которыхъ оно живетъ, а не по народности. И часть русскаго народа, жившаго въ предѣлахъ Великаго Княжества Литовскаго, Московскій князь Иванъ, дѣдъ царя Ивана Васильевича, «отнялъ отъ него и присоединилъ къ своему наслѣдству». Но, можетъ быть, особенно ясно выступаетъ у Михалона Литвина отождествленіе имъ московскаго и русскаго, какъ единороднаго, въ слѣдующихъ его словахъ о буквахъ-письменахъ. Онъ пишетъ: «Мы учимся московскимъ письменамъ, не древнимъ, не имѣющимъ въ себѣ никакого побужденія къ доблести, такъ какъ русскія буквы чужды намъ, литовцамъ, т. е. итальянцамъ, происходящимъ отъ итальянской крови». Конечно, не спеціально-московской письменности учили тогда въ Литовско-Русскомъ государствѣ. Тамъ изучалась тогда письменность обще-русская, и ее то и называетъ Михалонъ московскою, сливая и совершенно отождествляя ее съ нею. Понятія «московскій» и «русскій», въ значеніи обозначенія народности, а не государства, для него совершенно тождественны[10]).

Итакъ, историческая литература Польши и Литовско-Русскаго государства середины и конца XVI столѣтія давала совершенно ясный отвѣтъ на вопросъ о русскомъ народѣ: этотъ народъ, представляя собой единое этнографическое цѣлое, живетъ въ трехъ государствахъ — Московскомъ, Литовско-Русскомъ и Польскомъ.

Къ приведеннымъ уже нами авторамъ, утверждающимъ это, можно бы было добавить еще и другихъ, но не будемъ утруждать читателя дальнѣйшими цитатами изъ историческихъ трудовъ этого времени. Остановимся еще на двухъ историческихъ писателяхъ предшествующей эпохи, которые, особенно первый изъ нихъ, завершая своими трудами работу въ области исторіи Польши, польскаго средневѣковья, создавали основу для польскихъ историковъ послѣдующаго времени. Это — Янъ Длугошъ и Матвѣй Мѣховита.

Громадное вліяніе Длугоша на дальнѣйшую исторіографію Польши и Западной Руси установлено научнымъ изслѣ-

дованіемъ и не подлежитъ сомнѣнію. Своей «Исторіей Польской» онъ даже какъ бы заслонилъ болѣе раннихъ польскихъ хронистовъ и сдѣлалъ обращеніе къ ихъ трудамъ почти излишнимъ. Какъ же высказывается Длугошъ о русскомъ народѣ?

Начавъ свое изложеніе исторіи[11]) съ библейскихъ временъ и съ созданія Богомъ Адама, Длугошъ переходитъ къ преданію о Лехѣ, Чехѣ и Русѣ. Имя послѣдняго и приняла заселившаяся въ теченіе продолжительнаго времени страна, которая зовется «Руссіей». «Обширнѣйшія государства руссовъ, главой и метрополіей которыхъ является Кіевъ и которыя орошаются громадными рѣками — Днѣстръ, Днѣпръ, Нѣманъ, Прутъ, Случъ, Стырь, Стручъ, Смотричъ, Серетъ, они заселили и распространили свои границы за Новгородъ, городъ Руссіи, чрезвычайно богатый золотомъ, серебромъ и мѣхами, весьма извѣстный, находящійся среди болотъ и озеръ». Длугошъ упоминаетъ и Кія, и Щека, и Хорива, и «другихъ князей рутеновъ», какъ Радимъ, Вятко, Дулебъ. «Нѣкоторые народы рутеновъ», продолжаетъ онъ, «вслѣдствіе огромнаго размноженія искавшіе для себя новыхъ мѣстъ для поселенія, имѣя отвращеніе къ собственнымъ князьямъ, приняли трехъ князей отъ варяговъ». Далѣе у Длугоша выступаютъ Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, за ними Игорь и Ольга и дальнѣйшіе Русскіе князья, которыхъ называетъ русская лѣтописная традиція. Святославъ раздѣлилъ «княжество Руссіи» между своими сыновьями — Ярополкомъ, Олегомъ и Владиміромъ, причемъ послѣднему досталось княжество Новгородское. Владиміръ, «князь Руссіи», оставилъ послѣ себя двѣнадцать сыновей и, «опасаясь, чтобы съ его смертью не поднялись распри изъ-за княжествъ Руссіи, раздѣлилъ государство между сыновьями: старшему, Вышеславу, далъ Новгородъ, Изяславу Полоцкъ, Святополку Туровъ, Ярославу Ростовъ, а послѣ смерти Вышеслава — Ярославу Новгородъ, Борису Ростовъ, Глѣбу Муромъ, Святославу Древляны, Всеволоду Володимірію, Мстиславу Тмуторакань, остальнымъ же тремъ младшимъ сыновьямъ, а именно, Станиславу, Посвизду и Судиславу, княжества Кіевское и Берестовское». Такимъ образомъ, вся Русская Земля во времена Владиміра составляла единое Русское княжество, лишь позднѣе она раздѣлилась на части, а еще позднѣе эти части оказались въ составѣ трехъ различныхъ государствъ — Московскаго, Литовско-Русскаго и Польскаго.

Имя «Руссіи», какъ цѣлой Русской Земли, сохраняется у Длугоша до самаго конца его историческаго труда, доведеннаго до 1480 года. Такъ, разсказывая о Флорентійской уніи 1439 года, онъ пишетъ: «Императоръ, возвратившись домой, съ другими прелатами Греціи и Руссіи, объявляетъ и вводитъ унію»[12]).

Что касается младшаго современника Длугоша, Матвѣя Мѣховиты, то доведенная имъ до 1504 года «Хроника Поляковъ» не даетъ намъ ничего существенно новаго по сравненію съ «Исторіей» Длугоша. Тѣ же Лехъ, Чехъ и Русъ, та же лѣтописная русская традиція, та же линія князей, начатая «княземъ Руссіи» Рюрикомъ. Мѣховита такъ же, какъ и Длугошъ, говоритъ о народахъ «рутенскаго рода» (напримѣръ, древляне), и его «Хроника» въ этомъ отношеніи нисколько не дополняетъ Длугоша. Но другой трудъ Мѣховиты, «Объ Азіятской и Европейской Сарматіи», заслуживаетъ того, чтобы на немъ нѣсколько остановиться на настоящихъ страницахъ. Мѣховита различаетъ страну руссовъ и страну московъ, т. е. москвичей. Онъ говоритъ, что въ Европейской Сарматіи «находятся страны руссовъ или рутеновъ, литовцевъ, московъ и къ нимъ прилегающія». Совершенно ясно, однако, что тутъ мы имѣемъ различеніе частей русскаго народа лишь на основѣ ихъ раздѣленія по государственной принадлежности, а отнюдь не на основѣ ихъ этнографической особенности. Въ самомъ дѣлѣ, онъ пишетъ немного ниже: «Потомъ, въ 1228 году, татары, въ громадномъ множествѣ вступивъ въ Руссію, опустошили всю Рязанскую землю». Далѣе онъ разсказываетъ объ опустошеніи ими земли Суздальской, а въ слѣдующемъ году — Смоленской и Черниговской. «Въ 1241 году», продолжаетъ онъ, «пришли татары въ Руссію и разрушили до основанія Кіевъ, величайшій городъ и метрополію рутеновъ, великолѣпно построенную». Въ своемъ очень интересномъ описаніи Московскаго государства онъ, между прочимъ, обращаетъ вниманіе своего читателя на то, что «въ Московіи только одинъ языкъ и одна рѣчь, а именно рутенская или славянская, во всѣхъ областяхъ и княжествахъ». Иными словами, Мѣховита признаетъ единый общерусскій языкъ и часть русскаго народа, живущую въ Московскомъ государствѣ, считаетъ объединенною имъ съ другими частями того же народа, которыя находятся въ предѣлахъ королевства Польскаго и Великаго Княжества Литовскаго[13]).

Такимъ образомъ, историческіе писатели середины и послѣднихъ десятилѣтій XVI вѣка не создавали какихъ-либо новыхъ представленій въ интересующемъ насъ вопросѣ; они высказывали лишь тѣ положенія и представленія, которыя были прочно установлены уже ихъ предшественниками. Но, кромѣ написанныхъ на польскомъ и латинскомъ языкахъ историческихъ трудовъ, изданныхъ въ печати уже въ XVI столѣтіи, въ Западной и Южной Руси обращались и рукописи русскихъ лѣтописныхъ сводовъ или отдѣльныхъ лѣтописей. Первоначальная лѣтопись, лѣтописи Кіевская и Галицко-Волынская, какъ и болѣе поздніе мѣстные лѣтописные своды и сборники, читались и переписывались въ Южной и Западной Руси. Въ болѣе раннихъ лѣтописяхъ читатель узнавалъ объ объединеніи всѣхъ восточныхъ, т. е. русскихъ славянъ въ единую Державную Русь великихъ Кіевскихъ князей Владиміра и Ярослава и о раздѣленіи ея въ послѣдующее время. Въ болѣе позднихъ мѣстныхъ лѣтописяхъ онъ, правда, встрѣчалъ обычное употребленіе слова «русскій» для обозначенія Русскихъ земель, вошедшихъ въ составъ Литовско-Русскаго или Польскаго государствъ, т. е. Бѣлоруссіи и Малороссіи. Но рядомъ съ этимъ нѣтъ-нѣтъ и прорвется обозначеніе «русскими» земель за ихъ границею, входившихъ въ составъ государства Московскаго. Такъ, напримѣръ, въ Литовско-Русской лѣтописи, среди извѣстій начала XV вѣка, читается: «Того жъ году на Взвестоване Матки Божи (т. е. Благовѣщеніе), въ понедѣлокъ на страстьной недѣли, было знамя великое какъ бы у-въ обѣдную пору — звѣзды явились какъ бы въ ночи, солнце потемнѣло, страхъ былъ великій на землю Рускую; того жъ лѣта Москва вся згорѣла и Смоленескъ». Рядомъ съ этимъ, на той же страницѣ свода стоитъ и другое извѣстіе: «Того жъ году былъ въ Новгородѣ моръ силенъ велми, и на Москвѣ, и въ Ладозѣ, и въ Порховѣ, и у-во Псковѣ, и въ Торжку, и во Твери, и въ Дмитровѣ, и по всимъ Рускимъ волостемъ». Москва и другіе города единаго русскаго народа, какъ части одной и той же Русской Земли, естественно вставали передъ читателемъ, несмотря на границы государствъ, ихъ раздѣлявшія. Въ мѣстной русской исторической письменности сохранялась идея единства Русской Земли; вся она сознавалась Русскою, хотя и не была уже болѣе объединена въ одномъ и томъ-же государственномъ союзѣ[14]).

Отъ имѣвшихъ распространеніе въ Южной и Западной Руси, въ эпоху присоединенія Малороссіи къ Московскому государству, историческихъ трудовъ обратимся къ сочиненіямъ географовъ и политиковъ и посмотримъ, чтó они говорятъ о Русской Землѣ и русскомъ народѣ. Въ царствованіе Сигизмунда III-го и его сына Владислава IV-го Симонъ Старовольскій написалъ свой извѣстный географическій трудъ «Полонія». Его авторитетность и распространенность въ XVII столѣтіи не подлежатъ сомнѣнію. И вотъ чтó писалъ Старовольскій о «Руссіи»: она «раздѣляется на Руссію Бѣлую, которая входитъ въ составъ Великаго Княжества Литовскаго, и на Руссію Красную, ближайшимъ образомъ называемую Роксоланіей и принадлежащую Польшѣ. Третья же часть ея, лежащая за Дономъ и истоками Днѣпра, называется древними Руссіей Черной, въ новѣйшее же время она стала называться повсюду Московіей, потому что все это государство, какъ оно ни пространно, отъ города и рѣки Москвы именуется Московіей». И Старовольскій, такимъ образомъ, Русскую Землю считаетъ внутренне и по существу единымъ цѣлымъ; только, раздѣленная на три части между тремя государствами, она лишилась своего объединенія[15]).

Что касается политиковъ, то этимъ именованіемъ въ Речи Посполитой называли «авторовъ, которые законы и конституціи польскаго народа скомбиновали и написали книги о государственномъ устройствѣ Речи Посполитой»[16]). Изъ числа политиковъ обратимся за справкою по интересующему насъ вопросу къ тому, котораго трудъ еще въ серединѣ XVIII столѣтія былъ признанъ не только хорошимъ, но даже превосходнымъ, написаннымъ авторомъ съ прекрасною подготовкой, съ критическою мыслью, безъ всякой предвзятости. Мы разумѣемъ Христофора Гарткноха и его «Республику Польскую», вышедшую въ 1698 году. Она представляетъ собою результатъ изученія ея авторомъ всей почти предшествующей литературы по вопросамъ, которыхъ онъ касался. Въ составѣ территоріи Речи Посполитой Гарткнохъ называетъ двѣ «Руссіи», а именно — Бѣлую и Красную. Къ первой онъ относитъ воеводства Новгородское (т. е. Новгородка Литовскаго), Мстиславское, Витебское, Полоцкое, Смоленское, Черниговское, Кіевское; входящими же въ составъ второй онъ считаетъ воеводства Русское (главный городъ — Львовъ), Подольское, Волынское,

Белзское и Брацлавское. Изъ этихъ воеводствъ, прибавляетъ Гарткнохъ, воеводства «Брацлавское, Кіевское и Черниговское называютъ Украиною»[17]). Такимъ образомъ, Гарткнохъ, во-первыхъ, чуждъ какого-либо этнографическаго признака въ опредѣленіи понятія Бѣлой и Красной Руси, ибо воеводства Черниговское и Кіевское онъ относитъ въ составъ Руси Бѣлой, а, во-вторыхъ, онъ даетъ опредѣленіе и той территоріи Речи Посполитой, которая въ его время носила имя «Украины». Этою послѣднею именовалась только область юго-восточнаго пограничья, чтó совершенно просто и естественно объясняетъ и значеніе этого термина, тогда обычнаго. Въ самомъ дѣлѣ, слово «украинный» означало на русскомъ языкѣ того времени то же, что значитъ въ нашемъ современномъ языкѣ слово «пограничный». Это значеніе имѣло слово «украинный» одинаково и въ Руси Литовской, и въ Руси Московской. Еще И. Д. Бѣляевъ въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія установилъ, что «польскою (отъ слова «поле») украиною Московскаго государства назывались въ нашихъ старинныхъ оффиціальныхъ бумагахъ границы Сѣверо-Восточной Руси, сосѣднія при-Волжскимъ, при-Донскимъ, и даже при-Днѣпровскимъ степямъ». Украинами, т. е. окраинами, въ Московскомъ государствѣ назывался цѣлый рядъ его пограничныхъ территорій, гдѣ бы онѣ ни лежали, на западѣ, востокѣ, или югѣ. То же значеніе «пограничный» имѣло слово «украинный» и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ. «Украинными» замками его назывались одинаково и Витебскъ, и Полоцкъ, и Дрисса, и Дисна, и Лепель, и другіе, находившіеся не далеко отъ границы государства города, а въ ихъ числѣ также и Кіевъ и города юго-восточной окраины, которую представляла собою Малороссія для Польско-Литовской Речи Посполитой въ XVII столѣтіи[18]).

Подведемъ итогъ подъ нашими наблюденіями надъ тѣмъ, чтó давала литература Речи Посполитой, въ составъ которой входила Малороссія предъ присоединеніемъ ея къ Московскому государству, по вопросу о составѣ русскаго народа и Русской Земли. Эта литература совершенно опредѣленно указывала на ихъ внутреннее единство, нарушенное тогдашнимъ раздѣленіемъ ихъ между тремя государствами. Что касается иностранцевъ, проѣзжавшихъ черезъ Русскую Землю и писавшихъ о ней, то, конечно, сообщаемыя ими свѣдѣнія далеко не совпадаютъ. Степень

ихъ освѣдомленности и наблюдательности была различна, и это отражалось на ихъ сообщеніяхъ и замѣткахъ. Нѣкоторые изъ иностранцевъ предполагали малороссовъ даже особымъ народомъ. Такъ, напримѣръ, англичанинъ Самуилъ Колинсъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе царя Алексѣя Михайловича, писалъ о черкасахъ, т. е. малороссахъ, такъ: «Черкасы такъ же, какъ и русскіе, исповѣдуютъ греческую вѣру, однако же не такъ суевѣрны и позволяютъ иностранцамъ входить въ свои церкви. Говоря о Черкасіи, я долженъ описать и народъ, населяющій ее. Черкасы — татарскаго племени, народъ грубый и мрачный; женщины ихъ очень некрасивы, грубы и преданы пьянству. Во время угощеній онѣ напиваются пьяны еще прежде, нежели начнутъ подавать кушанья: ѣдою онѣ протрезвляются, потомъ опять напьются, а потомъ опять протрезвятся пляскою; а пляску онѣ такъ любятъ, что презираютъ того человѣка, у котораго нѣтъ въ домѣ скрипача. Правленіе ихъ совершенно анархическое, потому что они, возмутившись, уничтожили все дворянское сословіе, и теперь управляются полковниками, ими самими избранными, съ которыми всякій изъ нихъ обходится за панибрата. Воиновъ они на своемъ языкѣ называютъ казаками, почему ошибаются многіе, считая казаковъ особеннымъ народомъ»[19]). Трудно, конечно, признать приведенныя слова написанными человѣкомъ вдумчивымъ и хорошо освѣдомленнымъ. Въ нихъ ясно выступаетъ передъ читателемъ иностранецъ, легко сообщающій случайно попавшіеся ему на глаза отдѣльные факты и явленія и такъ же легко вѣрящій своимъ первымъ впечатлѣніямъ или росказнямъ, которыя до него доходили. Но нельзя не отмѣтить, что у иностранцевъ, даже не вполнѣ освѣдомленныхъ и дающихъ не вполнѣ надежныя или не совсѣмъ точныя свѣдѣнія, мы не находимъ яснаго раздѣленія русскаго народа на его вѣтви, установленныя уже научнымъ изученіемъ новаго времени. Такъ, жившій въ Москвѣ въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія Яковъ Рейтенфельсъ писалъ: «Въ царскомъ титулѣ предпосылаются остальнымъ извѣстныя названія Великой, Малой и Бѣлой Россіи, обнимающія почти все царство, потому, конечно, что названіе «Россія» у мосховъ считается самымъ древнимъ и наиболѣе славнымъ. Великая, называемая иногда и Западною, занимаетъ громадное пространство земли около Пскова, Новгорода и Ярославля, Малая или Червонная, считающая своимъ

главнымъ городомъ Кіевъ, чаще называется болѣе распространеннымъ именемъ Южной, а Бѣлая — область больше остальныхъ, но часть ея принадлежитъ Польшѣ. Она у нѣкоторыхъ писателей стяжала царю прозвище «Бѣлаго», такъ какъ, дѣйствительно, обитатели ея, по большей части, носятъ бѣлыя одежды. Главнымъ городомъ этой области былъ сперва Владиміръ, а потомъ Москва, и это названіе остается за нею и въ настоящее время»[20]). Именованіе «Бѣлою» именно той части Россіи, которая была основнымъ ядромъ Московскаго государства, встрѣчается и у другихъ иностранцевъ, писавшихъ о Россіи. Его принималъ и первый русскій историкъ — В. Н. Татищевъ[21]).

Но обратимся къ тому иностранцу, писавшему о Россіи въ первой половинѣ XVI вѣка, сочиненіе котораго о ней, по наблюдательности автора, справедливо признается однимъ изъ лучшихъ историческихъ источниковъ, къ «Запискамъ» барона Сигизмунда Герберштейна. Въ нихъ найдемъ то же признаніе Русской Земли единой, но раздѣленной между тремя государствами, которое мы видѣли уже выше, въ трудахъ писателей, постоянно жившихъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ и Польшѣ. Герберштейнъ пишетъ: «Изъ государей, которые нынѣ владѣютъ Руссіей, главный есть великій князь Московскій, который имѣетъ подъ своею властью бо́льшую ея часть, второй — великій князь Литовскій, третій — король Польскій, который теперь правитъ и въ Польшѣ, и въ Литвѣ»[22]). Сочиненіе Герберштейна имѣло очень большое распространеніе и оказало значительное вліяніе и на польскихъ историковъ и географовъ.

Отъ литературы тогдашняго времени, дававшей малороссу знаніе историческаго прошлаго его родины и ея историческихъ и національныхъ связей съ остальнымъ русскимъ народомъ, обратимся къ тому, что онъ получалъ отъ школьнаго ученія и книги церковной для сознаванія себя принадлежащимъ къ составу единаго русскаго народа, живущаго въ цѣлой Русской Землѣ, хотя она и раздѣлена между тремя государствами.

Лишь только русскій человѣкъ, будь онъ великоруссъ, бѣлоруссъ или малоруссъ, приступалъ къ ученію грамотѣ, онъ оказывался подъ вліяніемъ могучей силы, объединявшей всѣ части и вѣтви русскаго народа. Этою силою былъ

«словенскій» языкъ — церковно-славянскій, какъ обычно называемъ мы его теперь. «Словенскій» языкъ въ церковныхъ книгахъ всѣхъ вѣтвей русскаго народа былъ одинъ и тотъ же — единаго «русскаго извода». Тѣ небольшія различія, которыя попадали въ него на мѣстахъ изъ мѣстныхъ говоровъ, отнюдь не позволяютъ говорить объ особыхъ изводахъ великорусскомъ, малорусскомъ и бѣлорусскомъ, какъ объ его разновидностяхъ, подобно изводамъ болгарскому или сербскому, въ которыхъ имѣемъ извѣстную модификацію церковно-славянскаго языка подъ вліяніемъ мѣстной рѣчи. Полякъ-мазовшанинъ, Матвѣй Стрыйковскій, въ XVI столѣтіи, въ своей упомянутой нами выше «Хроникѣ», даже называетъ этотъ языкъ «славянскимъ русскимъ»[23]). Церковная книга издавалась для всего русскаго народа, а не для той или другой его части, будетъ ли это изданіе Московское, Кіевское, Острожское, Виленское и т. д. Знаменитая Острожская библія 1581 года была издана «о Христе избраннымъ въ народѣ русскомъ, сыномъ церкве восточныя, и всѣмъ съгласующимся языку словенскому и съединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ». Переводя Евангеліе на «русскій» (бѣлорусскій) языкъ своего времени, Полоцкій шляхтичъ Василій Тяпинскій, въ XVI-мъ столѣтіи, вмѣстѣ съ переводомъ издаетъ и «словенскій» текстъ «слово отъ слова», такъ, какъ его «во всихъ своихъ церквахъ чтутъ и маютъ» русскіе люди. Московское изданіе Библіи 1663 года предназначается «о Христѣ избраннымъ въ народѣ великороссійстѣмъ и въ прочихъ сыномъ сущимъ церкве восточныя и всѣмъ согласующимся языку славенскому и соединяющимся тояжде церкве православію христоименитымъ людемъ». Уже самое слово «великороссійскій» въ то время не могло, въ такомъ контекстѣ, означать ничего иного, кромѣ «всерусскаго», ибо тогда научно-этнографическихъ терминовъ «великорусскій», «малорусскій» и «бѣлорусскій» еще не существовало, — они были созданы только въ XIX столѣтіи и даны наукою, а не выработаны просто самою жизнью. Обозначеніе «Великая Россія» въ титулѣ Московскихъ царей этнографическаго значенія отнюдь не имѣетъ. Оно было просто обозначеніемъ территоріи ихъ государства, противополагая ее Русскимъ землямъ, входившимъ въ составъ Польши и Великаго Княжества Литовскаго, независимо отъ того, какими вѣтвями русскаго народа онѣ были населены. Такое именно значеніе

этого выраженія прекрасно обнаруживается и въ сказанномъ въ «Тріоди Постной», изданной въ Кіевѣ въ 1627 году, въ которой читается, что она издана для всѣхъ «великороссовъ, болгаръ и сербовъ и прочихъ подобныхъ намъ въ православіи». Конечно, въ Кіевѣ, до присоединенія его къ Московскому государству, не могли считать своею задачею изданіе книгъ для послѣдняго.

Церковная православная книга издавалась въ разныхъ концахъ Русской Земли для нуждъ цѣлаго русскаго народа, а не для одной какой-либо его части. Московскій первопечатникъ, діаконъ Иванъ Ѳеодоровъ, въ послѣсловіи къ напечатанному имъ въ 1574 году во Львовѣ «Апостолу», говорилъ, что эту книгу будутъ читать «вси раби благословеннаго Бога нашего». Виленскій каштелянъ и гетманъ Великаго Княжества Литовскаго, Григорій Александровичъ Ходкевичъ, въ своемъ предисловіи къ «Евангелію Учительному», напечатанному въ его имѣніи Заблудовѣ въ 1569 году, указывалъ, что оно имъ издается «на почесть и похвалу Господу Богу, въ Тройцы Единому, и къ наученію людемъ христіяньскимъ закону нашего греческаго». Книга «О вѣрѣ единой», изданная въ Москвѣ въ 1648 году, назначалась для всѣхъ, у кого отправляется богослуженіе «богоугоднымъ языкомъ словенскимъ въ Великой и Малой Руси, въ Сербѣхъ и Болгарѣхъ». Не будемъ дольше останавливаться на дошедшихъ до насъ въ громадномъ числѣ выраженіяхъ идеи единства «словенскаго» языка и вѣры всего «православнаго» народа, въ предисловіяхъ и въ послѣсловіяхъ церковныхъ книгъ, изданныхъ въ разныхъ мѣстахъ, по всему пространству, заселенному всѣми тремя вѣтвями русскаго народа. Только при этомъ единствѣ и было возможно, скажемъ больше — совершенно естественно, продолженіе «друкарской» работы московскихъ первопечатниковъ въ Заблудовѣ, Вильнѣ, Львовѣ и Острогѣ, послѣ ихъ ухода изъ Москвы. Но «словенскій» языкъ не только объединялъ всѣ части и вѣтви одного русскаго народа. Онъ имѣлъ распространеніе среди всѣхъ славянъ, сохранившихъ православную вѣру, — «широкій и великославный языкъ славенскій, въ Великой и Малой Россіи, въ Сербіи, Болгаріи», какъ выразился въ 1627 году іеромонахъ Кіевопечерской Лавры Памва Берында. Этотъ языкъ въ то же время именовался и «россійскимъ», что̀ опредѣляло его и какъ языкъ всей «Россіи», т. е. цѣлой Русской Земли.

Церковно-славянскій языкъ сталъ и литературнымъ языкомъ всей Руси, у всѣхъ частей и вѣтвей русскаго народа. Этотъ «языкъ книжный словенскій», какъ выражался еще князь Курбскій, неизбѣжно «русѣлъ», принимая въ себя особенности русскаго языка, въ тѣхъ его говорахъ, среди которыхъ жили авторы, но, какъ литературный языкъ, онъ отнюдь не сливался съ языкомъ живымъ народнымъ, будетъ ли это рѣчь, звучавшая на русскомъ югѣ, западѣ, или сѣверо-востокѣ. Совершенно естественно, что школьное или домашнее обученіе русскаго человѣка отъ чтенія церковныхъ книгъ переходило къ болѣе глубокому изученію самого «книжнаго» языка. Отъ XVI-го и XVII-го столѣтій до насъ дошли и грамматики, и словари этого языка, составленные и изданные въ краяхъ, которые въ болѣе новое время получили названія Малороссіи и Бѣлоруссіи. Въ 1586-мъ году грамматика «словеньска языка» была издана въ Вильнѣ, въ 1591-мъ году напечатана во Львовѣ «Грамматика доброглаголиваго еллино-словенскаго языка совершеннаго искуства осми частей слова». Въ 1596-мъ году вышла изъ печати въ Вильнѣ «Грамматика словенска съвершеннаго искуства осми частій слова и иныхъ нуждныхъ. Ново съставленна Л. З.» (т. е. Лаврентіемъ Зизаніемъ); въ 1619-мъ году появилась въ Евьѣ, нѣсколько разъ позднѣе переизданная, «Грамматики славенскія правилное синтагма» Мелетія Смотрицкаго; въ 1621, 1631, 1636 и 1638 годахъ были напечатаны грамматики и букварu «словенскаго» языка въ Вильнѣ, Кутеинѣ, Могилевѣ и Кремянцѣ. Появились и словари — въ 1596-мъ году Лаврентія Зизанія «Лексисъ сирѣчь реченія, въ кратцѣ събранъны и изъ словенскаго языка на простый рускій діялектъ истолъкованы» (въ Вильнѣ), въ 1627-мъ году «Лексиконъ славено-россій и именъ тлъкованіе» Памвы Берынды (въ Кіевопечерской Лаврѣ, въ 1653-мъ году переизданъ въ Кутеинскомъ монастырѣ)[24]).

Литературный языкъ Южной и Западной Руси именовался въ Москвѣ или польско-русскимъ, или славено-польскимъ, или литовскимъ. Но сопоставленіе этого языка съ тѣмъ, которымъ говорила Москва, давало любопытнѣйшіе результаты. Когда, напримѣръ, въ 1627-мъ году въ Москвѣ происходилъ разговоръ Лаврентія Зизанія съ княземъ Черкасскимъ по поводу составленнаго Зизаніемъ катихизиса, Черкасскій спросилъ: «по литовскому де языку какъ вы говорите — с о б р а ?» Зизаній на это отвѣтилъ: «тожъ и по

литовскому языку — с о б р а». Черкасскій дальше спросилъ: «а и з в е д е — какъ?». Отвѣтомъ Зизанія было: «и и з в е д е — по нашему»[25]). Да развѣ подобные разговоры при встрѣчахъ русскихъ людей запада, юга, или сѣверовостока Русской Земли, велись ли они о литературномъ или о живомъ ихъ языкѣ, не внушали имъ мысли объ единствѣ ихъ рѣчи, несмотря на наличность и нѣкоторыхъ ея мѣстныхъ особенностей? При взаимныхъ встрѣчахъ, въ какой бы обстановкѣ онѣ ни происходили, русскіе люди со всѣхъ концовъ Русской Земли, несмотря на различія рѣчи, вполнѣ понимали другъ друга, хотя и говорили на не вполнѣ тождественномъ русскомъ языкѣ. Понятность языка облегчала и переходъ изъ-за государственной межи «бѣлорусцовъ» и «черкасовъ» на территорію Московскаго государства, и обратно, уходъ изъ него его подданныхъ въ малороссійское казачество.

Но, конечно, тамъ, гдѣ не выработалась интеллигенція, главною основою сознанія общерусскаго единства была «русская» вѣра. Сознаніе связей всѣхъ «русскихъ», всего «православнаго» народа несомнѣнно жило прочно среди всѣхъ частей и вѣтвей его, раздѣленныхъ исторіей. О томъ, что русское населеніе Великаго Княжества Литовскаго уже въ началѣ XVI-го столѣтія относилось сочувственно къ Москвѣ во время ея войнъ съ Литвою, мы имѣемъ прямыя указанія, притомъ отъ лицъ неправославныхъ, а стало быть, и не могущихъ возбудить въ насъ подозрѣніе въ обобщеніи своего личнаго настроенія и въ распространеніи его на народныя массы, въ дѣйствительности имъ не затронутыя. Давно, еще въ концѣ XVI-го вѣка, было издано въ печати письмо одного католическаго автора, изъ Вильны отъ 26-го сентября 1514-го года, въ которомъ онъ такъ пишетъ о настроеніи русскаго населенія Литовско-Русскаго государства во время происходившей тогда войны съ Москвою: «Многіе изъ нихъ втайнѣ сочувствуютъ Москвѣ (какъ кажется) не по какой-либо другой причинѣ, а изъ-за религіи»[26]). Съ конца XVI-го столѣтія и въ XVII-мъ вѣкѣ это сочувствіе и сознаніе своего внутренняго единства съ Москвой должны были стать еще дороже.

Съ самаго начала христіанства на Руси оно воспринималось русскимъ народомъ отъ грековъ вмѣстѣ съ ихъ враждою къ Риму. Эта вражда въ серединѣ XI-го столѣтія завершилась окончательнымъ раздѣленіемъ церкви на во-

сточную и западную. Вражда къ латинству сдѣлалась органическою частью религіознаго міросозерцанія русскаго человѣка съ самаго начала христіанства на Руси и организаціи русской церкви греческой іерархіей. Съ конца же XVI вѣка воинствующій католицизмъ съ особой энергіей обратился къ борьбѣ съ православіемъ на территоріи федеративной Польско-Литовской Речи Посполитой. Эта борьба неизбѣжно приводила къ подъему православно-народнаго самосознанія. А такъ какъ православная вѣра давно уже именовалась вѣрою «русскою» и представлялась органическою частью русской національной стихіи, то защита ея отъ латинства, какъ вѣры «лядской», совершенно естественно соединилась съ мыслями обо всемъ русскомъ, православно-россійскомъ народѣ. «Русская» вѣра была вѣрою его всего, гдѣ бы онъ ни жилъ. На силу русскаго народа въ его цѣломъ составѣ должны были стремиться опереться въ своей борьбѣ за «русскую» вѣру ея защитники на русскихъ югѣ и западѣ. Въ той же части Русской Земли, которая составляла Московское государство, эта вѣра была государственною религіею, т. е. оставалась въ томъ же значеніи, которое она имѣла еще въ то время, когда вся Русская Земля представляла собой единую Русскую Державу времени Владиміра Святого и Ярослава Мудраго. Стоявшій во главѣ Московскаго государства «россійскій» царь, съ паденія Византійской имперіи, являлся защитникомъ православія въ цѣломъ мірѣ, о чемъ хорошо знали въ Малороссіи, хотя бы со словъ проѣзжавшихъ черезъ нее за милостынею въ Москву греческихъ монаховъ и даже самихъ патріарховъ православнаго Востока. Церковная унія, вводившаяся насильственно и противъ воли населенія на русскихъ югѣ и западѣ въ XVII-мъ столѣтіи, не могла не представляться ихъ русскому населенію въ видѣ проявленія признаковъ близящагося торжества враждебной «лядской» вѣры, а въ защитѣ отъ нея той части Русской Земли, которая находилась подъ его властью, Московскій царь уже имѣлъ незабываемыя заслуги. Одно изъ наиболѣе выдающихся произведеній юго-западной русской полемической литературы конца XVI вѣка, направленной противъ церковной уніи и воинствующаго католицизма, «Апокрисисъ» Христофора Филалета, поставило вопросъ: развѣ нѣтъ православныхъ государей на Востокѣ и Западѣ міра? И на этотъ вопросъ его авторъ отвѣтилъ, что впереди ихъ всѣхъ стоитъ тотъ, кого называютъ Мо-

сковскимъ великимъ княземъ. Этотъ Московскій «потужный (т. е. могущественный) царь православный» дѣлался теперь все болѣе и болѣе нужнымъ и дорогимъ для православнаго русскаго населенія территоріи Речи Посполитой. Насильственное введеніе церковной уніи заставляло вспоминать, что именно онъ покаралъ въ серединѣ XV-го вѣка митрополита Исидора, который вернулся съ Флорентійскаго собора «змѣнникомъ» православію и «кривовѣрнымъ помагалъ». Жаль, что не вспоминаютъ новые измѣнники и враги православія, прибавляетъ тотъ же Христофоръ Филалетъ, «яко ся ему змѣнництво заплатило, жебы собѣ и теперешній митрополитъ зъ своимъ товариствомъ мѣлъ былъ што брати въ розумъ»[27]).

Но подведемъ итоги. Научное знаніе того времени не давало Малороссіи эпохи ея присоединенія къ Московскому государству указаній на то, что ея народъ представляетъ собою нѣчто особое отъ русскаго народа Московскаго государства. Наоборотъ, оно учило, что весь русскій народъ, раздѣленный въ своихъ частяхъ между тремя государствами — Москвой, Польшей и Литвой, — единъ по существу и имѣетъ общую исторію въ раннее время своей общей государственной жизни въ Русской Державѣ Владиміра Святого и его сына, Ярослава. Общее происхожденіе тогда было увѣнчано и общею государственностью. Въ дальнѣйшее время послѣдняя разрушилась. Но единство происхожденія забыто не было. Оно сознавалось достаточно отчетливо и въ болѣе интеллигентныхъ, и въ менѣе интеллигентныхъ кругахъ малороссійскаго общества. Силами, его питавшими, были языкъ, книга, вѣра и церковь. А въ эпоху борьбы съ «русскою» вѣрой Малороссіи, которая тогда велась церковной уніей и католичествомъ, установленіе тѣсныхъ связей съ Москвою, то-есть съ тою частью русскаго народа, которая сумѣла создать могущественное «Россійское» государство и сдѣлала «русскую» вѣру его идейной основой, было настоятельно необходимымъ. Все это вырабатывало опредѣленную идеологію. Ее мы и видѣли выраженною въ устныхъ заявленіяхъ и писаніяхъ Хмельницкаго и малороссійскаго духовенства, которыя были приведены на первыхъ страницахъ настоящей работы.

Эта идеологія, въ которой не было ничего, созданнаго или придуманнаго вновь ради переживавшагося тогда по-

литическаго момента, была закрѣплена и историческимъ трудомъ, составленнымъ въ Малороссіи послѣ ея присоединенія къ Москвѣ, а затѣмъ на цѣлое слишкомъ столѣтіе ставшимъ учебною книгою русской исторіи для цѣлой Россіи. Мы разумѣемъ знаменитый Кіевскій «Синопсисъ», вышедшій первымъ изданіемъ въ Кіевѣ въ 1674-мъ году и затѣмъ переиздававшійся около тридцати разъ, вплоть до тридцатыхъ годовъ XIX-го вѣка[28]). Освобожденная казацкими возстаніями и силами Московскаго государства отъ польской власти, Малороссія закрѣпляла имъ свои идейныя связи съ тою частью единаго русскаго народа, которая жила въ этомъ государствѣ и съ которой теперь она возсоединялась.

Какъ же представляетъ «Синопсисъ» отношеніе Малороссіи и ея народа къ Россіи и къ русскому народу, какъ цѣлому? Народъ «русскій», «россійскій», «славенороссійскій» — по «Синопсису» — одинъ. Онъ происходитъ отъ Іафетова сына Мосоха (имя послѣдняго сохраняется въ имени Москвы), и онъ «племени его» весь цѣликомъ. «Преславный верьховный и всего народа россійскаго главный градъ Кіевъ» возникъ на мѣстѣ, когда-то освященномъ апостоломъ Андреемъ — «по благословенію и пророчеству изряднаго заступника Россійскаго, святаго апостола Андрея Первозваннаго, на горы Кіевскія, не малу времени прешедшу, пріидоша отъ дикихъ поль съ славяны, великими и зѣло храбрыми народы, тріе братія родніи Князіе Россійстіи», Кій, Щекъ и Хоривъ, съ сестрою своею Лыбедью. «Иніи же россы страною, естествомъ же едини, въ полунощныхъ странахъ надъ езеромъ Илмеромъ широко населишася, а прочіи надъ Волховомъ рѣкою, идѣже создаша Новградъ великій». Затѣмъ, когда «въ великомъ междоусобіи и многомъ нестроеніи россійстіи народы быша», они, по совѣту Гостомысла, призвали «отъ нѣмецъ» трехъ братьевъ, .князей Варяжскихъ, — Рюрика, Синеуса и Трувора. Эти новые князья «въ Россійской землѣ» были приняты «отъ всѣхъ россовъ съ великою радостію и благодарствіемъ»; они «абіе и государство Руское, добровольно отъ народа добровольнаго поданое, на три части между собою раздѣлиша», а затѣмъ оно соединилось въ рукахъ Рюрика, послѣ смерти его братьевъ. Въ это время въ Кіевѣ продолжаетъ еще княжить потомство Кія. Послѣдними князьями его «племени» были, по представленію «Синопсиса»,

Аскольдъ и Диръ, убитые по приказанію Олега. Съ Олегомъ прибылъ въ Кіевъ «наслѣдникъ всѣхъ княженій Россійскихъ, сынъ Руриковъ» Игорь, — «и въ то время скончася наслѣдіе свойственныхъ князей Россійскихъ Кіевскихъ въ Осколдѣ и Дирѣ. А отъ князей Варяжскихъ, отъ Игоря Рюриковича прочіе князіе, даже до великихъ князей Московскихъ, родство свое изведоша». Внукъ Игоревъ, «великій князь Владиміръ Свѣтославичъ, идущъ отъ корене Августа кесаря Римскаго, владѣвшаго всею вселенною», послѣ смерти своихъ братьевъ, «объемь ихъ княженія и всю Россію, полунощную, восточную, полуденную, бѣлую и черную, къ своей власти приведе. Нача писатися царемъ и великимъ княземъ и самодержцемъ Россійскимъ... и престолъ княженія Великоновгородскаго въ Кіевъ принесе». Этотъ «великій самодержецъ Россійскій», крестившись самъ, «и Кіевскій и всея Россійскія земли народъ святымъ крещеніемъ просвѣтилъ». Свое «великое государство Россійское» онъ раздѣлилъ между своими двѣнадцатью сыновьями. Одинъ изъ нихъ, Святополкъ, «завистію же и богомерзскимъ желаніемъ къ самодержавствію одержимь, поревнововавъ братоубійцѣ первому Каину», сталъ убивать своихъ братьевъ, но былъ побѣжденъ Ярославомъ, который послѣ его смерти «пріятъ престолъ княженія Кіевскаго, и бысть всея России самодержецъ». Но оставался въ живыхъ еще одинъ Владиміровъ сынъ, Мстиславъ, съ которымъ пришлось Ярославу нѣкоторое время дѣлить Россійскія земли. «По смерти же Мстиславлѣ пріятъ Ярославъ и его княженіе, и прилучи къ престолу Кіевскому, и тогда крѣпкимъ и правымъ самодержцемъ или царемъ всея России писатися началъ»[29]).

Итакъ, Россія едина. Авторъ «Синопсиса» и не мыслитъ о какомъ-либо раздѣленіи ея на отдѣльныя составныя части, ни на основѣ государственной самостоятельности или федеративности, ни на основѣ этнографическихъ особенностей частей русскаго народа. Послѣдній совершенно единъ, какъ «племя» Мосохово, единъ по своему государственному союзу, единъ по своей православной вѣрѣ и культурѣ. Кіевопечерскій монастырь — обще-русское достояніе и сокровище святыни и молитвы. Созданіе въ немъ и украшеніе «великія церькве Печерскія каменныя» — «великая слава и похвала бяше всему россійскому народу, яко въ писанныхъ древнихъ лѣтописцахъ русскихъ обрѣтается».

Между наслѣдниками Ярослава Мудраго начались усобицы. Ихъ остановилъ Владиміръ Мономахъ — «сей междоусобіе всякое въ Россійскихъ князехъ усмири и въ самодержавіе приведе». Съ его же времени «Россійскіи самодержцы вѣнецъ царскій на себѣ носити начаша», съ присылкою ему извѣстныхъ регалій «православно-христіанскимъ кесаремъ Греческимъ» Алексѣемъ Комненомъ. Андрей Боголюбскій взялъ Кіевъ, пославъ на него свои войска со своимъ сыномъ Мстиславомъ и «со многими князи Россійскими». Теперь Андрей — «великій князь всея Россійскія земли», хотя онъ и не живетъ уже въ ея столицѣ — Кіевѣ. Но «Синопсисъ» не забываетъ прославить его за то, что онъ принесъ Кіевопечерской Лаврѣ въ даръ свой городъ Василевъ, «отечество преподобнаго отца нашего Ѳеодосіа Печерскаго», и за то, что освободилъ Лавру отъ подчиненія митрополитамъ — «да пребываетъ въ соблюденіи, храненіи и заступленіи великихъ князей Россійскихъ и наслѣдниковъ ихъ въ вѣчныя роды и времена». Съ эпохи Андрея Боголюбскаго въ Кіевѣ уже сидятъ простые Кіевскіе князья, а не великіе «Россійскіе», но онъ все-таки именуется авторомъ «столицею самодержавія Россійскаго». Нашествіе «злочестиваго Батыя» подчинило Россію татарскому игу. Имѣющими власть надъ Кіевомъ «Синопсисъ» въ эту пору считаетъ князей Владиміро-Суздальской земли. Въ годы обладанія «Россіей» Батыя и «надъ Кіевомъ» была власть Ярослава Всеволодовича, «старѣйшаго князя Московскія земли», а послѣ его смерти «бысть князь Кіевскій изъ земли Россійскія Александръ Ярославичь Невскій», затѣмъ одинъ за другимъ братья его Ярославъ Тверской и Василій Костромской, а за ними сыновья Александра Невскаго Димитрій и Андрей и его племянникъ Михаилъ Ярославичъ Тверской, т. е. всѣ Владимірскіе великіе князья по преемству ими власти въ сѣверо-восточной Руси. Но авторъ «Синопсиса» знаетъ и Галицкихъ князей, знаетъ и объ ихъ власти надъ Кіевомъ. «Великій князь» Даніилъ Романовичъ Галицкій, «иже писашеся самодержецъ всея Россіи», даже «отъ папы Римскаго чрезъ посланники вѣнчанъ бысть на царство Россійское». Когда «преставися Россійскій царь Даніилъ», то послѣ него «сынъ его Левъ Даніиловичъ, великія ради храбрости своея, княженіями Россійскими владѣющъ и Кіевскимъ писашеся»[30]). Какъ примирить одновременное существованіе двухъ «самодержцевъ всея Россіи», сѣвернаго и южнаго, и властъ

ихъ обоихъ надъ Кіевомъ? Авторъ «Синопсиса» объ этомъ не заботился. Ему нужно было закрыть свои глаза на получившееся противорѣчіе ради выдержанности его общей основной идеи, т. е. идеи единства Русской Земли.

Въ эпоху татарскаго ига «стольный Россійскій градъ Кіевъ» былъ захваченъ Литовскимъ княземъ Гедиминомъ, и совершилось «прилученіе княженія Кіевскаго до Литовскаго». А между тѣмъ Москва сумѣла скопить русскія силы, и ея великій князь Димитрій началъ войну съ поработителями «Россіи», татарами. Походу Димитрія Донского и Куликовской битвѣ отдано болѣе четверти общаго числа страницъ «Синопсиса». На нихъ борьба Донского съ Мамаемъ представлена какъ обще - русское дѣло, а не мѣстное, не одной Сѣверо-Восточной Руси. Въ этой борьбѣ «самодержцу Россійскому» помогаетъ не только молитва преподобнаго Сергія Радонежскаго, но и содѣйствіе свв. Бориса и Глѣба, высокочтимыхъ святыхъ Кіевской Руси, сыновей Владиміра Святого, когда-то властвовавшаго надъ цѣлою Русской Землею, составлявшею его державу. «Преславная побѣда надъ татарами» — общее «россійское» торжество, а не успѣхъ только Московскаго княжества. Москва теперь «россійскій» центръ. Въ нее совершилось уже къ этому времени и «переселеніе митрополита Кіевскаго», а затѣмъ «въ царствующемъ градѣ Москвѣ» и «патріаршескій престолъ устроися». Между тѣмъ «царственный градъ Кіевъ» былъ униженъ окончательно литовскою властью. Въ 1471-мъ году его княжество было обращено въ простое воеводство, которое въ 1569-мъ году «совершенно отъ Литовскаго княжества прилучено бысть до короны Польскія»[31]). Но въ серединѣ XVII-го столѣтія «милость Господня съ небесе приниче на первоначальный всея Россіи царственный градъ Кіевъ и начатъ его обветшавшую ону скипетроносную державу, яко орлюю юность, обновляти, яко день отъ дне въ высокодержавное царское православнаго самодержца достояніе приближашеся и успѣваше». Наконецъ, «милость Господня» совершилась вполнѣ, и «богоспасаемый, преславный и первоначальный всея Россіи царственный градъ Кіевъ, по многихъ премѣнахъ своихъ изрядною милостію Божіею аки на первое бытіе возвращаяся, отъ древняго достоянія царскаго паки въ достояніе царское пріиде, егда Царь царемъ и Господь господемъ, паче прочихъ царей земныхъ возносяй рогъ Христа Своего, великаго государя нашего,

царя и великаго князя Алексіа Михаиловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержца и многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчича и дѣдича и наслѣдника и государя и обладателя, его царскаго пресвѣтлаго величества, искони вѣчную скипетроносныхъ прародителей его отчину, царственный той градъ Кіевъ въ его скипетроносныя царскія руцѣ, яко природное царское его присвоеніе возврати». Теперь Кіевъ и Кіевщина, съ ихъ обще-русскою святынею и «православнороссійскимъ народомъ», нашли вѣрную защиту отъ поляковъ и «бесурманъ», татаръ и турокъ. «Его царскаго пресвѣтлаго величества многочисленніи силы» вмѣстѣ со «многими полками казацкими, съ гетманомъ войска его царскаго пресвѣтлаго величества Запорожскаго» — надежная охрана благополучія Кіевщины, вернувшейся въ составъ Россіи и опять получившей возможность жить въ ней единымъ «православнороссійскимъ народомъ»[32]).

Такимъ образомъ, по «Синопсису», Россія едина. Ея начальный центръ — «царственный градъ» Кіевъ. Москва — его законная и прямая преемница въ значеніи общаго «православно-россійскаго» государственнаго центра. Весь русскій народъ единъ, и временное отдѣленіе его части отъ Россіи въ другія государства (Литву и Польшу) «милостію Божіею» завершается возсоединеніемъ въ единое «государство Россійское».

Мы не станемъ здѣсь входить въ изученіе источниковъ «Синопсиса» и въ оцѣнку исторической достовѣрности тѣхъ или другихъ фактовъ, имъ сообщаемыхъ, какъ не будемъ останавливаться и на значеніи его концепціи русской исторіи для созданія традиціи ея построенія, которая затѣмъ утвердилась въ трудахъ послѣдующихъ историковъ. Всѣ эти, чрезвычайно важные и любопытные вопросы отвлекли бы насъ слишкомъ далеко отъ темы, которой посвящена настоящая работа. Для насъ теперь важно только національно-политическое, такъ сказать, міросозерцаніе «Синопсиса», господствовавшее въ его время въ Малороссіи. Ставши сразу послѣ своего выхода въ свѣтъ распространеннѣйшей книгой, онъ не только закрѣплялъ данное имъ пониманіе историческихъ и народныхъ связей Малороссіи съ остальною Россіей, но и широко распространялъ его среди своихъ читателей. А его читателями былъ цѣлый рядъ поколѣній, именно изъ него почерпавшихъ свои знанія по

русской исторіи и сплошь и рядомъ остававшихся съ ними на всю жизнь.

Если мы отъ «Синопсиса» обратимся къ другимъ историческимъ произведеніямъ Малороссіи, написаннымъ въ XVII-мъ и даже XVIII-мъ столѣтіяхъ, но напечатаннымъ только въ XIX-мъ вѣкѣ, а потому, конечно, не могущимъ идти ни въ какое сравненіе по своей распространенности съ нимъ, то увидимъ въ нихъ тѣ же общіе взгляды его, въ однихъ безъ его непосредственнаго вліянія и высказанные независимо отъ него, а въ другихъ почерпнутые изъ него прямо, какъ изъ учебнаго руководства и настольной книги по русской исторіи. Конечно, степень полноты выраженія этихъ взглядовъ различна у отдѣльныхъ авторовъ, въ зависимости отъ того, насколько имъ было нужно касаться общей исторіи Россіи по ходу ихъ изложенія вопросовъ и темъ, о которыхъ они писали. Но отдѣльныя имена историческихъ дѣятелей и отдѣльные факты, которые они время отъ времени упоминаютъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что русскій народъ и его исторію до раздѣленія Русской Земли между Москвой, Литвой и Польшей они полагаютъ едиными. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Въ виршахъ написанное въ серединѣ XVII-го вѣка произведеніе «Ляментъ людей побожныхъ, що ся стало въ Литовской земли», ярко изобразивъ враждебныя «Руси» дѣйствія «папѣжниковъ», заканчивается такъ:

«Бо дарованый намъ отъ Бога царъ православный,
Той вашу гордость сотре;
І если ся не обачите
І до конца главы ваши, яко зміевы...
Которому самъ Спасителю Христе помози,
Яко вѣрному царю,
Нашему благочестивому Алексію,
Великому государю»[33]).

«Лѣтопись Самовидца» знаетъ въ своей вводной части «самодержавіе великаго князя Владиміра», знаетъ и «междоусобное сыновъ его убійство»[34]). «Хронологія высокославныхъ ясневелможныхъ гетмановъ, прежде Хмелницкого бывшихъ», говоритъ: «Первый гетманъ войскъ Запорожскихъ, съ фамиліи сенаторской, имянуемый Прецлавъ Ланцкоронскій или Принцъ Славлянскороссійскій»[35]). «Бунчуковый товарищъ» въ молодости, «статскій совѣтникъ и кавалеръ»

въ старости, воспитанникъ Кіевской Академіи, а затѣмъ слушатель цѣлаго ряда заграничныхъ университетовъ, прожившій около ста лѣтъ и умершій въ 1809 году, Петръ Ивановичъ Симоновскій, въ своемъ «Краткомъ описаніи о козацкомъ малороссійскомъ народѣ» писалъ: «Малороссійская земля главное было обиталище россійскаго народа со времени великаго князя Игоря даже до времени великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго». Но Симоновскій отмѣчаетъ, что послѣ того, какъ въ серединѣ XII столѣтія этотъ великій князь «изъ Кіева во Владиміръ княженіе перевелъ», Кіевъ еще «чрезъ нѣсколько времени имѣлъ особливаго себѣ князя, никому не подвластнаго». Что касается Галича, то въ немъ даже былъ «другой великокняжескій престолъ, который Кіевскому въ первенствѣ не уступалъ». Но затѣмъ наступили татарское завоеваніе и литовская и польская власть. Выработалась въ Малороссіи и главная ея особенность — казачество. Симоновскій, однако, подчеркиваетъ, что малороссійскіе казаки «суть природные россіяне, а не избѣжище разныхъ народовъ», какъ «разсуждаютъ» не знающіе «исторій» люди. «Разность же между великороссіянами и малороссіянами тогда воспослѣдовала, когда они пришли во владѣніе литовское и польское, гдѣ тѣ малороссіяне, въ отличность, а паче козакамъ, состоящимъ подъ Россіею, названы малороссійскіе козаки». Когда Малороссія находилась подъ польскою властью, поляки «повстали напрасно и безсовѣстно, яко иногда Каинъ на Авеля, на руссовъ», стали притѣснять и угнетать и «благочестіе наше грекорусское», и русскій народъ, «Россійскую націю». Начались возстанія («бунты») казаковъ противъ угнетателей. Къ казакамъ присоединяются «русскіе мужики», а когда во главѣ возставшихъ сталъ Хмельницкій, совершилось, наконецъ, отторженіе Малороссіи отъ Польши и возсоединеніе ея съ «Великой Россіей». Хмельницкій отправляетъ посольство въ Москву, «къ Россійскому государю, царю Алексѣю Михайловичу, съ прошеніемъ о принятіи его со всѣмъ малороссійскимъ народомъ и землею въ покровительство и защищеніе». Прошеніе это было исполнено, и «1654 года великій государь царь Алексѣй Михайловичъ, имѣя благоволеніе свое въ малороссійскомъ народѣ по единству вѣръ и россійскаго рода, соизволилъ принять его милостиво подъ высокую свою державу»[36]).

Ту же концепцію исторіи Малороссіи имѣемъ въ из-

вѣстной «Исторіи Русовъ», происхожденіе которой было въ свое время ложно пріурочено къ имени архіепископа Георгія Конискаго. Въ ней читаемъ, что Владиміръ Святой, «соединивъ всѣ другія славянскія княжества, раздѣлившіясь подъ разными названіями между его братьями и родственниками, былъ одинъ надъ ними самодержцемъ и назывался великимъ княземъ Рускимъ и царикомъ надъ всѣми князьями». Послѣ его смерти «скоро кончилось и соединеніе царства его. Сыновья и племянники Владиміровы раздѣлили его на двѣнадцать княжествъ, оставивъ однако же по прежнему верховнымъ надъ всѣми великое княжество Кіевское». Затѣмъ «возставшія раздѣломъ княжествъ междоусобныя войны, за первенство и наслѣдство между князьями всегда продолжавшіясь, первѣе ослабили великое княжество Кіевское, потомъ и совсѣмъ его разорвали, и съ 1161 года назвались великими княжествами: Галицкое въ Чермнорусіи, Владимирское на Клязьмѣ и, наконецъ, Московское по городу Москвѣ». Въ XIII-мъ столѣтіи Русская Земля подпала татарскому игу. Въ XV-мъ вѣкѣ Московскій князь Иванъ Третій, «пользуясь слабостію татаръ, изнемогшихъ междоусобными войнами и раздѣлами, отказалъ хану Ахмату отъ ежегодной дани съ народа и отъ своего повиновенія; а внукъ сего князя, Иванъ Васильевичь Четвертый, названный Грозный, совокупивъ многія княжества Рускія во едино, въ 1547 году переименовалъ себя изъ князя царемъ и самодержцемъ Московскимъ, и съ того времяни навсегда уже царство Московское и его владѣтели симъ названіемъ титуловались, съ переименованіемъ наконецъ царства Московскаго на Россійское, которое, для различія отъ Чермной и Бѣлой Руси, называлось Великою Россіею; тѣ же обѣ Руси вмѣстѣ названы тогда Малою Россіею». Послѣ присоединенія Малороссіи къ «царству Московскому», авторъ «Исторіи Русовъ» говоритъ уже не о «Москвѣ», а о «Россіи», потомъ «имперіи Россійской», и не противополагаетъ ей Малороссію. Объ измѣнѣ Мазепы Петру Великому и Россіи онъ выражается такъ: «гнусный умыселъ сей породила въ немъ адская злоба за личную обиду свою»[37]).

Итакъ, признаніе русскаго народа единымъ, совершенно ясно провозглашенное историческимъ знаніемъ Польши, Литвы и Юго-Западной Руси задолго до присоединенія Малороссіи къ Московскому государству и, какъ несомнѣнное, принимаемое ея интеллигентными кругами во

время этого присоединенія, еще болѣе закрѣпившись и широко распространившись со второй половины XVII-го вѣка, держалось крѣпко и прочно и въ теченіе всего XVIII-го столѣтія. Сдѣланная во французской литературѣ XVIII-го вѣка попытка отдѣлить малоруссовъ отъ остального русскаго народа ученіемъ объ ихъ происхожденіи отъ кочевниковъ-туранцевъ, наводнившихъ въ свое время югъ Россіи, не имѣла въ Малороссіи какого-либо успѣха, и надо думать, что это было такъ не только потому, что признаніе себя туранцами нисколько не улыбалось малоруссамъ, но и потому, что въ этой, теперь уже совершенно забытой, туранской теоріи ясно чувствовалась политическая тенденція, шедшая изъ чужого государства, иностранная политика котораго была тогда враждебна Россіи, утверждавшейся въ то время на побережьи Чернаго моря.

Съ тѣми же взглядами на единство русскаго народа и его исторіи вступали малоруссы и въ XIX-е столѣтіе. Въ «Исторіи Малой Россіи» Д. Н. Бантышъ-Каменскаго, вышедшей въ первой половинѣ этого столѣтія, читаемъ: «Первоначальная исторія малороссійская тѣсно соединена съ общею отечественною». Свое имя, по Бантышу-Каменскому, «Малая Россія» получила или «при возвышеніи Владимірскаго княженія и упадкѣ Кіевскаго, въ исходѣ XII столѣтія», или со времени пребыванія «подъ литовскимъ владычествомъ, для отличія отъ Великой Россіи. Въ древнихъ же хартіяхъ упоминается въ первый разъ о Малой Россіи въ 1335 году, а имянно, въ грамотѣ Георгія, князя Владиміро-Волынскаго, сохранившейся въ Кенигсбергскомъ Архивѣ. Въ XV вѣкѣ греки давали уже такое названіе отторженнымъ отъ Россіи областямъ. Должно полагать, что съ того же времени или съ присвоенія Польшею части завоеванныхъ Литвою Русскихъ земель на правой сторонѣ Днѣпра, страну сію стали также именовать Украйною». Въ 1654 году Малая Россія «возвращена была Россійскому Государству»[38]).

Выработанное въ русской письменности историческимъ знаніемъ, съ самаго начала послѣдняго, положеніе объ единствѣ русскаго народа хранилось имъ, какъ несомнѣнное, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ. Почему же въ новѣйшее время явилась попытка его отбросить?

На этотъ вопросъ пишущій настоящія строки старался дать отвѣтъ въ другой своей работѣ[39]).

Примѣчанія.

[1]) Акты Южной и Западной Россіи, X, № 4, ст. 216—217.

[2]) «Списокъ съ листа съ бѣлорускаго, каковъ писалъ ко государю царю и великому князю Алексѣю Михаиловичю всеа Русіи Богданъ Хмелницкой, гетманъ войска запорожского, съ посланники своими, съ Самойломъ Богдановымъ съ товарыщи, въ нынѣшнемъ во 162 году, марта въ 13 день». А. Ю. и З. Р., X, № 8, ст. 432—433.

[3]) Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Исторія Малой Россіи, I, (Москва, 1830), стр. 76—77, прим. 320, — выписка изъ Малор. дѣлъ Коллежскаго Архива, 1654 г., № 4. Новѣйшаго изданія труда Бантышъ-Каменскаго въ настоящее время у насъ нѣтъ подъ рукою, а потому не имѣемъ возможности сдѣлать на него ссылку.

[4]) А. Ю. и З. Р., X, № 16, ст. 723—725.

[5]) Тамъ-же, ст. 729.

[6]) »O Sławakach i Sławieńskich ziemiach narodu Ruskiego albo Sarmackiego, skądby to ich przezwisko urosło? rozmaite są mniemania rozmaitych historików, Czytelniku miły... Ale skądkolwiek Russacy i insze Ruskie narody imię i nazwisko maią, tedy wszyscy sławańskiego języka używają i wszyscy już są chrześcianami, jedni wedlug obrzędów (ktorych jest więtsza część) Greckich.« (I. 95—111)... »A Ruska monarchia, nie tylko Litwie, ale i Greckim cesarzom, Połowcom, Piecinigom, Bulgarom, Serbom, Węgrom, Polakom i inszym też przyległym, jako postronnym państwom, ile w zgodzie, w postrach była z dawnych lat, zwłaszcza lata od Christusowego zbawiennego narodzenia 861, czasu Holga, Igora, Rurika, Xiążąt, także za Swentosława, Włodimirza i Jaroslawa« (I.217).... »Alem ja tego z Latopisców Ruskich i Litewskich starych doszedł, zgadzaiąc ich piętnaście dla wybadania prawdy, iż miał dwie żenie Olgerd, a obiedwie Rusce« (II. 58)... »A kniaż Michal Gliński, marszałek dworny Litewski, czlowiek w cudzych stronach, we Włoszech, w Hispaniej i na dworze Maximiliana cesarza, także w wojskach jego bywały, w rzeczach rycerskich biegły i u monarchów postronnych dobrze zachowały, ruskiego zakonu będąc, wielkie dzierżawy i z zamkami, a prawie puł Litewskiego państwa trzymał, za czym wiele slachty, zwłaszcza Ruskiej, na swoję stronę był sposobił. Dla czego sie obawiali panowie Litewscy, aby Wielkiego Xięstwa Litewskiego upatrzywszy czas nie opanowal, a do Rusi stolicę nie przeniosł« (II.322). — Kronika Polska, Litewska, Żmódzka i wszystkiéj Rusi Macieja Stryjkowskiego. Wydanie nowe, będące dokładném powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582... Warszawa, 1846.

[7]) »Ruś skądby to imię miała, rożne są o tym zdania ludzkie. Abowiem Kronikarze naszy starszy, iako Długosz y Miechowita, tak rozumieią, że od Rusa, brata abo wnęka Lechowego, są tak nazwani, co żadną miarą bydź nie może: gdyż Ruš iest dobrze starsza (iakom to dostatecznie, pisząc o początku narodu naszego, pokazał), a niż Lech przodek nasz tu przyszedł. To bydź może, że ten Rus, wnęk Lechow, o ktorym oni powiadaią, mogł panować nad Rusią: ale Ruš iuż tak dawno Rusią zwano. Są też drudzy, co ie od

miasteczka Russy, niedaleko Nowogroda Wielkiego w Moskwie, tym imieniem zwać chcą: a drudzy od russych włosow, z iakimi dziś naywięcey Rusnakow uźrzysz. Drudzy ią też od Phet Rusyma potomka Chamowego wywodzą, iako Seweryn Dominikan w Genealogiey Pana Chrystusowey, ktorą nie dawno wydał w Rzymie. A drudzy od Książęcia Ros, ktorego u Ezechiela w piśmie S. nayduiemy. Lecz to napewnieyszą, że od rozsiania, iakom pierwey pisał, to imię maią. Jakoż tak sie barzo był ten narod po świecie rozsiał, że część wielką Europy y Azyey napełnił. Skąd znać, że to narod był waleczny, ieno że pisać nie rychlo nawykli, jako y my, y przeto nic dawnego o sobie powiedzieć nie umieią. Y dopiero stąd Kronikę swą zaczynaią.« Дальше Бѣльскій разсказываетъ о Щекѣ, Кіи, Хоривѣ и Лыбеди, о которыхъ, между прочимъ, говоритъ: »Mieli zasię swoie Xiążęta, ktorym rozdawali krainy puste, ku budowaniu Zamkow, iako Radzim, od ktorego nazwani są Radzimczanie, nad rzeką San, Wiatko, od ktorego Wiatczanie, nad rzeką Wolha, Duleba, od ktorego Dulebanie, nad rzęką Bugiem, dziś sie zowią Lukanie. Potomkowie Kijowi byli Oskald a Dir, ktorzy rozszerzali Państwa na pułnocy: a Xiążęta ustawili nad sobą z inszego narodu, dla tego, aby niefolgowali bratu ani swatu, ani żadnemu, co kto zasłuży. A było tych Xiążąt trzey: Ruryk, Syneus y Thruol, ktorzy szli z narodu Waregow, ktory też narod bez wątpienia byl Slowieński, y musieli gdzie blisko morza mieszkać, ktore ieszcze dziś Moskwa Wareckim zowie« (стр. 125—127).— «Rusin ieden« (стр. 129). — »Jarosław, maiąc o nim sprawę, zebrał lud niemały Nowogrodzan y innych okolicznych Rusakow« (стр. 138). — »Pogromili Rusaki« (стр. 144).—»Rusacy pisali« (стр. 144). — Zbiór pisarzow polskich. Część czwarta. Tom XI. Kronika Polska Marcina Bielskiego. W Warszawie, 1829. — »Czego mu zaźrzeli insze Xiążęta Ruskie, zwłaszcza Swatosław, Kijowskie Xiążę, ktory sobie władzę wszystkiey Rusi, tak iako dziś Moskiewski, przypisował«. — Zbiór p. p. Tom XII. Kronika Polska Marcina Bielskiego. W Warszawie, 1830 (стр. 109). О Мартинѣ Бѣльскомъ см.: Marcin Bielski. Studyum literackie. Przez Ign. Chrzanowskiego. Warszawa, 1906.

[8]) »Et Modocarum quidem nomen minus, Moschenorum uero, seu Moschinorum, siue Moschorum, admodum conuenit ijs populis, qui nunc in Europea pariter et Asiatica Sarmatia longe lateque imperantes, Slauica lingua utuntur, et Moschi Latine, Moschouitae Germanice, Slauice uero Mosqua appellantur. Et a multis quidem seculis ij sedes illas tenent, quod eorum ipsorum annales testificantur: sed hoc nomen Moschorum non ita pridem usurpare coeperunt, nec uniuerse primum. Sed unus de multis populis, a flumine et arce Mosqua, ita dici coeptus est, ex eo fere tempore, quo post diuisum in multos principatus Russorum eius regionis imperium, Ioannes quidam dux, Danielis filius (quemadmodum uir grauis ac diligens, Sigismundus Herbersteinus, regis Ferdinandi consiliarius, in Moschouia sua, ex eius gentis annalibus compertum, nuper memoriae prodidit), ei territorio praefuit, et instaurata arce, quae modica et obscura ante fuerat, sedem ibi suam constituit. Cuius posteri cum subactis proximis quibusque eiusdem nationis atque linguae principibus principatum suum longe lateque dilatassent, tum demum caeteri quoque Russorum populi longe maiores, antiquiores et nobiliores, quam Moschi ad eam diem fuerant, nempe Vvladimirienses, Nouogrodenses, Jaroslauienses, Tiuerenses, Mosaiscenses, Susdali, Piskouenses, Rezanenses, Seuerienses et alij, ut quique deuicti sunt, in Moschorum nomen abiere: sic tamen, ut cuncti pariter Russorum nomen libenter etiamnum agnoscant. Itaque olim Kiouiensis metropolites, et nunc Moschicus etiam, Russiae metropo-

lites cum ab alijs, tum a patriarcha Constantinopolitano uocatur: et ipse hunc titulum, uelut ampliorem et augustiorem, quam Moschauiae, usurpat: et uero ipsi quoque Moschorum principes non tam Moschorum, quam Russiae totius dominatum in inscriptionibus, quamquam falso, sibi arrogant. Vnde liquet, nec antiquum esse Moschorum nomen: et Russorum partem, ac unum quendam populum eos esse, ab arce et oppido, quod maximis terrarum spacijs a priscorum illorum Moschorum siue Moschinorum tractu abest, non ita pridem appellationem mutuatos« (p. 412). — Martini Cromeri De origine et rebus gestis Polonorvm libri XXX. Polonicae Historiae Corporis tomus II. Basileae, anno MDXXCII. — »Olim Podolia et Russia, tam ea, quae nunc Poloniae pars est, quam ea, quae est in ditione Lithuanorum et Moschorum, suos habuit duces, quemadmodum luculentius ostendimus in historia: Quorum stirps cum late propagata esset, partim ipsa sese intestinis dissidijs atque ciuilibus bellis confecit, partim a Polouucijs, qui Gothi fuisse uidentur, ac Tartaris extirpata, partim Polonorum et Lithuanorum adiuncta est imperio, partim in nomen et ius de se ortorum Moschorum transijt« (p. 79). — Poloniae Martini Cromeri Liber Prior. De sitv Poloniae et Gente Polona. Polonicae Historiae Corpvs. Tomvs Primvs. Basileae, MDXXCII.

[9]) »Regionibus Russiae duo praecipui Principes praesunt, utpote Magnus Dux Moschouiae, qui se Imperatorem totius Russiae appellat, plures enim in ea Ducatus possidet. Secundus Rex Roloniae, qui etiam Magno Ducatui Lithuaniae praeest, Russiae Ducatus Lithuaniae incorporatos, utpote Vitebscensem, Kiouiensem, Msczislauiensem, etc. possidet, quos una cum Lithuania descripsimus« (p. 33). — О Кіевѣ Гванини пишетъ: »Kiovia uetustissima amplissimaque urbs, ligneis septis circumdata, olim totius Russiae metropolis, ad fluuium celeberrimum Boristenem sita, a Vilna centum viginti milliaribus Polonicis distat« (p. 43). — Polonicae Historiae Corporis tomvs primvs. Sarmatiae Europeae Descriptio... Alexandri Gwagnini Veronensis.

[10]) Kiouia — »Eadem fuit Russiae Moscouiaeque ducum regia: in qua itidem Christiani facti sunt, quae nunc quoque Basilicas habet vetustas e marmore polito et aliis exoticis materiis, sumptuose aedificatas, plumbeis, aeneis, quibusdam etiam inauratis laminis tectas. Sunt et monasteria opulentissima, maxime quod Beatae Virgini Mariae consecratum est. Id in suis cryptis et cuniculis subterraneis habet multa sepulchra, in quibus sunt cadauera integra et arida: quae cum sanctorum esse credantur, magna veneratione a Ruthenis coluntur. Nam quae ibi corpora sepeliuntur, eorum ab hoc animae saluae futurae creduntur. Propterea omni praestantiori ex longinquis quoque locis nobilitati, et sumptibus et eleemosynis magnis, sepulturae ibi quaeruntur. Seruat et Moschorum dux non paruam pecuniam, quam ex fundis eiusdem monasterii in suam potestatem redactis, singulis annis colligit. Sed reddere ideo differt, quod hanc sedem, quae ipsi cordi est, magnopere expetit, stirpem se esse Volodimiri haeredis Kiouiae dictitans. Non minus dolent illius homines, quod non possideant tam antiquam stemmatum sanctuariorumque suorum cathedram« (p. 68). — »Atque nunc etiam vrbes ibi nonnullae quamuis pessundatae, amplitudine tamen ambituum suorum et ruinarum, superbae olim fuisse apparent, et praesertim quae a nobis Solhoth, a Moscis Krym, a Graecis Theodosia apellabatur quondam, et metropolis vetusta Korssunij, quae genti Ruthenorum princeps dedit baptisma et nomen Christianum, postea vero praedam gentibus nostris, excisa ab eis. Vnde Kiovvia nostra in templorum suorum lithostrathis, asarotis et incrusta-

mentis, retinet hucusque certa praedae illius insignia, e quibus et Gnesnensi Basilicae valuam largita est« (p. 6). — »Quando videlicet venum producuntur, miserabiles ipsi, in frequentius ducuntur forum, seriatim, velut grues in auolatu digesti et decimatim collis concatenati, venundanturque decadibus integris sub manu et voce licitatoris, qui auctionando enunciat vociferans, noua esse mancipia ipsa, rudia, non callida, recens capta, ex populo regio, non Moscouitico. Nam Moschorum genus, ut dolosum et fallax, ita vile habetur illic in mancipiis« (p. 22). — Великій князь Иванъ, дѣдъ царя Ивана Васильевича, »ademit suoque adiunxit patrimonio Lituanicas prouincias Nouohrod, Pskovv, Sievvier et alia« (p. 32). — »Moscovitae irati imprecantur alicui suorum, vt fiat Romanae siue Polonicae religionis, adeo eam exosam habent. Gymnasiis literariis, dolendum, caremus. Literas Moscouiticas nihil antiquitatis complectentes, nullam ad virtutem efficaciam habentes ediscimus, cum idioma Ruthenum alienum sit a nobis Lituanis, hoc est, Italianis, Italico sanguine oriundis« (p. 42). — Michalonis Litvani De Moribvs Tartarorvm, Litvanorvm et Moscorvm Fragmina decem, mvltiplici historia referta. — Изданій «Отрывковъ» Михалона было нѣсколько; мы цитируемъ по изданію въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи», изд. Н. В. Калачовымъ (книги второй половина вторая, Москва, 1854). Въ этомъ изданіи, кромѣ латинскаго текста автора, данъ и переводъ его на русскій языкъ, сдѣланный С. Шестаковымъ. Другой русскій переводъ былъ сдѣланъ К. Мельникъ, подъ редакціей В. Б. Антоновича. Онъ напечатанъ въ первомъ выпускѣ «Мемуаровъ, относящихся къ исторіи Южной Руси» (Кіевъ, 1890).

Могутъ быть приведены и другіе авторы, писавшіе о Русскихъ землѣ и народѣ въ томъ же направленіи. Укажемъ еще хотя одного. На страницѣ 225-ой и 226-ой одного изъ изданій Poloniae Regni Descriptio ex Thuani Historiarum lib. LVI читается: »Lithuaniae Roxolania regio subest. Quod nomen tamen latius patet, et ut nomen ipsum praefert, disseminatam gentem significans, quicquid terrarum est inter mare Balthicum et Livoniam, Sueciam, Oceanum glacialem, Volgam, qui Rha hodie appellatur, Maeotim paludem, Pontum Euxinum, montes Sarmaticos, Poloniam, Lithuaniam et Samogitiam, complectitur in duasque regiones dividitur. Quarum altera Carpathios montes non longe a Cracovia attingit, et secundum Tyram ad Valachorum sineis, atque ex altera parte Borysthenem et Pontum Euxinum porrigitur... et haec quidem Roxolania, quae ultra Borysthenem ad Persarum usque sineis extenditur, magno Moscoviae duci paret: haec, quam Regiam vocamus, Leopoliensi, Lublinensi, Belsensi, nec non Podoliae, Voliniae, Kioviae, Circassiae et Podlachiae regionibus comprehenditur«. Respvblica siue status Regni Poloniae, Litvaniae, Prvssiae, Livoniae etc. Diuersorum Autorum. Lugd: Batavorum. Ex officina Elzeviriana. MDCXLII.

[11]) Цейссбергъ даетъ такую оцѣнку историческаго труда Длугоша: »Dlugosz's Geschichtswerk ist der gewaltige Markstein, welcher sich am Ende der polnischen Historiographie im Mittelalter erhebt, während wir an deren Beginne und selbst im weiteren Verlaufe nur sehr mangelhaften Versuchen, die Gesammtgeschichte Polens darzustellen, begegneten. Dlugosch steht in seiner Umgebung auf einsamer Höhe da«. Die Polnische Geschichtschreibung des Mittelalters von Heinrich Zeissberg. Leipzig, 1873. S. 335.

[12]) »Quae quidem regio orientalis ab vno nepotum Lech, qui Russ vocabatur, post plures aetates habita et populata Russiae nomen accipiens, in-

latissimas ditissimasque prouincias, regiones et vrbes creuit, quas in praesentiarum cernimus« (p. 21). — »Amplissima Russorum regna, quorum Kiouia caput et metropolis est, et Dniestr, Dniepr, Niemen, Pruth, Slucz, Styr, Strucz, Smotrycz, Sereth amplissimis irrigantur amnibus, populasse, et terminos suos vltra Nouogrod, auro et argento pellibusque ditissimam et notissimam, inter paludes et stagna sitam Russiae ciuitatem ad fines propriae terrae dilatasse. Scriptorum tamen varietas de origine Ruthenorum plus connubilat eorum originem, quam declarat« (p. 23). — »Kig«, »Sczyg«, »Korew«, »Radzyn«, «VViathko«, »Duleba« (p. p. 48—49). — »Nonnullae Ruthenorum nationes, quae ex ingenti multiplicatione nouas sedes sibi quaesierant, eorum Principatum pertaesae a Varahis tres duces acceperunt: quoniam ex propriis neminem eligi propter paritatem placebat« (p. 49). — »Dissidium post mortem suam Svatoslavs Russiae Dux inter filios suos pro Principatu Russiae se absumpto accidere veritus, Russiae Principatum inter filios diuidit et Iaropolkvm quidem natu maiorem in Kiiouiensem Ducem praefecit, Olcham vero alium filium Drzewlanis, tertium Wladimirvm Nouogrodensem duces constituit« (p. 101). — »Wolodimirus Russiae Dux duodecim filios reliquit... Abunde beatus et felix, dum annis aliquot Russiae terras, tam castris, quam oppidis et villis vehementer auxisset, veritus ne se obeunte inter filios dira certamina super Russiae Principatibus consurgerent, filiis regnum diuidit, et Visseslao quidem natu maiori dat Nouogrod, Isaslao Polocko, Suatopelko Turow, Iaroslao Rostow, sed Visseslao fatis rapto, Iaroslao Nouogrod, Borysz Rostow, Gleb Muromum, Suentoslao Drzewiany, Wseuoldo Wolodimiriam, Mscislao Timutokany, caeteris vero filiis tribus natu minoribus, videlicet Stanislao, Posuisd et Sudislao, Kiouiensem et Berestow Principatus, non nisi morte sua, in eos deuoluendos reseruat« (p. 145). На Флорентійскомъ соборѣ въ 1439-мъ году — »Imperator cum aliis Praelatis Graeciae et Russiae domum reuersus, vnionem publicat et insinuat« (p. 718). — Ioannis Dlvgossi sev Longini canonici qvondam Cracoviensis Historiae Polonicae libri XII... Lipsiae, MDCCXI.

[13]) Лехъ, Чехъ, Русъ (p. 7). — Древляне »populi Ruthenici generis« (p. 16). — »Kurko dux Russiae« (p. 16). — Mathiae de Michovia Chronica Polonorvm, a prima propagatione et ortv Polonorum usque ad annum Christi MDIV. »Antiqviores duas Sarmatias posuerunt, unam in Europa, alteram in Asia, sibijnuicem cohaerentes et contiguas. In Europiana sunt regiones Russorum seu Rutenorum, Lithuanorum, Moscorum et eis adiacentes, ab occidente flumine Vissae, et ab oriente Tanai inclusae: harum regionum gentes olim Getae nuncupabantur...« »Praeterea anno domini millesimo, ducentesimo, uigesimo octauo, in maxima multitudine Tartari Russiam ingredientes, uniuersam terram Renesansca uastauerunt«. Далѣе они вторглись »in terram Susdalorum... Sequenti quoque anno in Smolnensem et Cirnyeouiensem regiones uenientes... Anno domini millesimo, ducentesimo, quadragesimo primo, Tartari in Russiam uenerunt, et Kiou amplissimam urbem et metropolim Rutenorum magnifice constructam funditus deleuerunt« (p. p. 122—123). — »Moscouia est regio longissima latissimaque, nam a Smolensco usque ad Moscuuam ciuitatem sunt centum milliaria, a Moscuua ad Volochda centum milliaria« (p. 148). — Давши очень любопытныя свѣдѣнія о Московскомъ государствѣ, Мѣховита обращаетъ вниманіе своего читателя (»accipiat itaque lector tua humanitas«) на нѣсколько его замѣчаній, изъ которыхъ четвертое (»accipiat quarto«) слѣдующее: »in Moscouia unam linguam et unum sermonem esse, scilicet Rutenicum seu Sclauonicum in omnibus satrapiis et principatibus, sic quod etiam Ohulici, et

qui in Viathca degunt, Ruteni sunt et Rutenicum loquuntur« (p. 149). — Matthiae a Michov De Sarmatia Asiana atqve Evropea. Polonicae Historiae Corporis tomus primvs. Basileae, MDXXCII.

Эней Сильвій Пикколомини въ XV-мъ столѣтіи писалъ о русскихъ: »Rutheni, quos appellare Rosanos Strabo uidetur, Lithuanis contermini sunt; gens barbara, incompta, apud quam opulentam Ecclesiam obtinuit Isidorus Cardinalis Sabinensis, cuius supra mentionem fecimus. In hac gente ciuitatem permaximam esse tradunt Nogardiam appellatam, ad quam Teutonici mercatores magno labore perueniunt«. — Aeneas Sylvivs, Svmmvs Pontifex Romanvs, Pivs II. hvivs nominis post adeptum pontificatum dictus. De Polonia, Lithuania et Prussia siue Borussia. Polonicae Historiae Corpvs, tomvs primvs, p. 4.

[14]) П. С. Р. Л., XVII, ст. 175, списокъ гр. Красинскаго.

[15]) »Prout Regi Poloniae amplissima Russiae regio subjicitur, extenditur in longum ab ora Pocucensi ad confinia Livoniae per ducenta plus minus milliaria; in latum vero a Polonia Minori aut Lituania, versus ortum usque ad vastos Tartarorum campos, aut Moscoviam, per centum viginti. Dividiturque in Russiam albam, quae ad Magnum Ducatum Lituaniae spectat; et in Russiam rubram, quae proprie dicitur Roxolania et ad Poloniam pertinet. Nam tertia pars, ultra Tanaim et fontes Borysthenis posita, dicitur Russia nigra ab antiquis, a recentioribus autem vulgo obtinuit Moscoviam appelari; quod totum illud imperium, quaqua latum est, ab urbe et fluvio Moscua dicatur communiter Moscovia: quae olim Sarmatia Asiatica vocabatur. Nostra autem cis Borysthenica Russia, Sarmatia Europea; et Polonia ipsa proprie Vandalia« (p. 35). — Simonis Starovolsci Polonia... Wolferbyti, CDCLVI.

[16]) «Politycy albo Autorowie ci, ktorzy statut i konstytucye Narodu Polskiego zkombinowali i księgi napisali o Rządzie Rzeczypospolitey». Такое опредѣленіе даетъ на своей 12-й страницѣ польская рукопись (О. II. № 1) Петроградской Публичной Библіотеки, озаглавленная: »Prawa i zwyczaie Koronne i W. X. Litewskiego albo terminy prawne i polityczne w historyi, statucie i constitucyach mianowane przy seymach, seymikach, sądach i dyskusach zwyczayne z fundamentu dla łatwości wytłumaczone i dla snadnieyszego zażywania statystow, sędziow i politykow porządkiem liter abiecadła rozłożone Roku P. 1696«.

[17]) «VII. Russia Alba, quae Magno Moscoviae Dukatui adjacet habetque Novogrodcensem, Mscislaviensem, Vitepscensem, Polocensem, Smolenscensem, Czernichoviensem, Kioviensem Palatinatus, ex quibus Palatinatibus multa adhuc possidet Magnus Dux Moscoviae durantibus induciis. VIII. Russia Rubra, quo pertinent Russiae Podoliae, Volhiniae, Belzensis et Braclaviensis Palatinatus. Ex his Braclaviensem, Kioviensem et Czernichoviensem Palatinatus vocant Ukrainam« (p. 147). — Respublica Polonica, duobus libris illustrata... Opera et studio M. Christophori Hartknoch Passenheimensis Prussi. Francofurti et Lipsiae. 1678.

[18]) И. Д. Бѣляевъ, О сторожевой, станичной и полевой службѣ, на польской украйнѣ Московскаго Государства, до царя Алексѣя Михайловича (стр. 5). — Чтенія въ Имп. О-вѣ Исторіи и Древностей Росс., 1846, IV.—Въ настоящее время слово «украина» въ обозначенномъ нами въ текстѣ значеніи постоянно употребляется въ трудахъ по русской исторіи и исторіи русскаго права. Какъ примѣры употребленія того-же слова въ литовско-русскихъ актахъ, можно привести хотя бы слѣдующую выписку изъ книги Литовской Метрики: «Року [15]68 писаны

листы до дворовъ о сланье людей до замковъ украинныхъ и розосланы тые листы іюля м[е]с[е]ца 1 дня. Себестіянъ Каменицкій понесъ: до князя Крошинского — з Упиты о 200 ч[о]л[о]в[е]ковъ до замъку Дриского, до Утены — о 200 чоловековъ до Дрисы, до Браславля — о 100 ч[о]л[овековъ] до Воронича, еще жъ до Браславля, до Опъсы и до Довкгялишокъ — о 200 ч[о]л[о]в[е]ковъ до Дисны. Онъ же тутъ роздалъ: пану конюшому — о посланье з Кгераноинъ 100 ч[о]л[о]в[е]ковъ до Лепля, пану Ясеньскому — о послан[ь]е 100 ч[о]л[овековъ] з Любошанъ до Чашникъ, пану Гайку — о посланье и[зъ] Трабъ до Лепля 100 ч[о]л[о]в[е]ковъ. А то листы зашитые роздалъ: пану Баркулабу — о будован[ь]е замъку Дисенского, и къ тому листъ отвороный до князей, пановъ, абы людемъ своимъ замокъ будовати казали; пану кашталяну Полоцкому — листъ зашитый [и] отвороный, пану Оникъю — листъ зашитый и отвороный, пану Миколаю, воеводчику Рускому — листъ зашитый. Жабровъскій понесъ: до Бобруйска — о 300 ч[о]л[овековъ] до Воронича, до Мозыра о 100 ч[о]л[овековъ] до Воронича». (Литовская Метрика, Публичныхъ Дѣлъ Литовскихъ, 7, л. 175).

[19]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1846, I (стр. 12).—Самуилъ Колинсъ былъ приглашенъ въ Россію въ 1659 г. и состоялъ 8 лѣтъ врачемъ царя Алексѣя Михайловича.

[20]) Чтенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс., 1906, IV, стр. 199. — Яковъ Рейтенфельсъ родомъ былъ, повидимому, изъ Курляндіи. Въ Москвѣ онъ жилъ въ семидесятыхъ годахъ XVII столѣтія. Его «Сказанія Свѣтлѣйшему герцогу Тосканскому Козьмѣ Третьему о Московіи» были напечатаны въ Падуѣ въ 1680 г.

[21]) Для Татищева совершенно не существовало вопроса объ единствѣ русскаго народа. Татищевъ отлично знаетъ различія русской рѣчи на громадномъ протяженіи Россіи, но онъ ихъ опредѣляетъ лишь какъ «партикулярныя поврежденія» единаго русскаго языка, обычныя «во всѣхъ пространныхъ государствахъ». — «По разстоянію дальности предѣловъ не токмо въ произглашеніи или удареніи гласа, но и въ именахъ и глаголахъ такое различіе, что сошедшіеся единъ другаго не вскорѣ выразумѣютъ, яко у насъ Сибиряки, Великороссіане, Малороссіане, Низовые и Поморскіе единъ съ другимъ весьма различаются». «Бѣлою Русью» Татищевъ называлъ территорію Ростово-Суздальской и Смоленской земель съ такими городами, какъ Ростовъ, Суздаль, Владиміръ на Клязьмѣ, Москва, Тверь, Кострома, Ярославль, Нижній Новгородъ, Муромъ. «Восточные народы», поясняетъ Татищевъ, «не отъ себя вымысля, Государей Рускихъ Акъпадыша, то есть бѣлый Императоръ, и государство Акъурусь, то есть Бѣлая Русь именуютъ». Подъ Великою Русью онъ понималъ территорію земель Новгородской и Псковской, Бѣлоозера и Полоцкаго княжества. Выдѣлялъ Татищевъ еще Руси Малую (княжества Кіевское, Древлянское и Черниговское), Червонную (съ городами Владиміръ, Перемышль, Галичъ, Львовъ и др.) и Черную (пространство между рѣками Виліей и Припятью, «Березой» и Бугомъ). В. Н. Татищевъ, Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ, собранная и списанная.... Васильемъ Никитичемъ Татищевымъ. Кн. I, ч. 2 (Москва, 1769), стр. 494, 514—524.

То же, какъ отмѣчено у В. Н. Татищева, или близкое къ нему пониманіе значенія выраженія «Бѣлая Россія» можно найти и у дру-

гихъ, кромѣ названныхъ уже, иностранцевъ. Укажемъ еще хотя бы на Олеарія, который писалъ: «Россія или, какъ нѣкоторые называютъ ее, Бѣлая Россія, или же, какъ вообще также называютъ ее, по главному стольному городу ея Москвѣ, лежащему въ срединѣ страны, Московія, составляетъ одну изъ самыхъ крайнихъ частей Европы, граничащую съ Азіей и обнимающую собою весьма значительное пространство». Подробное описаніе путешествія Голштинскаго посольства въ Московію и Персію въ 1633, 1636 и 1639 годахъ, составленное секретаремъ посольства Адамомъ Олеаріемъ. Перевелъ съ нѣмецкаго Павелъ Барсовъ. Москва, 1870, стр. 103.

[22]) »Principum, qui nunc Russiae imperant, primus est magnus dux Moscouiae, qui maiorem eius partem obtinet; secundus magnus dux Lithvuaniae; tertius est rex Poloniae, qui nunc et Poloniae et Lithvuaniae praeest« (p. 50). Записки о Московскомъ бытѣ (Rerum Moscoviticarum Commentarii). Сочиненіе Сигмунда барона Герберштейна. С.-Петербургъ, 1857. Новѣйшимъ изданіемъ Записокъ Герберштейна, съ переводомъ на русскій языкъ ихъ латинскаго текста, мы въ настоящее время, къ сожалѣнію, не имѣли возможности пользоваться (роскошное изданіе А. С. Суворина).

[23]) Свой перечень славянскихъ народовъ Стрыйковскій заканчиваетъ такими словами: «i inszych wiele narodów sławieńskiego ruskiego języka używających». Kronika, I, 111.

[24]) См.: О. О. Первольфъ, Словѣнскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ (Меѳодіевскій Сборникъ, изд. Имп. Варшавскимъ Университетомъ къ 6 апрѣля 1885 г. подъ ред. А. Будиловича. Варшава, 1885), стр. 70 и сл. — Эта статья Первольфа вошла затѣмъ въ его обширный трудъ «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи». — Наиболѣе полный списокъ старопечатныхъ русскихъ изданій см. у И. П. Каратаева, Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ кирилловскими буквами. Томъ первый, съ 1491 по 1652 гг. (С.-Петербургъ, 1883). — Цитаты изъ предисловія Тяпинскаго см. у М. В. Довнаръ-Запольскаго (В. Н. Тяпинскій, переводчикъ Евангелія на бѣлорусское нарѣчіе — Извѣстія Отд. русск. языка и слов. Имп. Академіи Наукъ, 1899 г., т. IV, кн. 3, стр. 1031—1064), и у В. Ластовскаго (Гісторыя беларускай кнігі, Коуна, 1926, стр. 410—415; предисловіе Тяпинскаго тутъ издано полностью).

М. С. Грушевскій на стр. 225-ой своей книги «Ілюстрована Історія України» (Кіевъ—Львовъ, 1912) даетъ снимокъ съ заглавнаго листа изданной въ 1591 г. во Львовѣ грамматики — «Аделфотис. Грамматика доброглаголиваго еллинословенскаго языка. Совершеннаго искуства осми частей слова ко наказанію многоименитому Россійскому роду».

[25]) См. статью кн. П. П. Вяземскаго въ Отчетѣ о дѣятельности О-ва Любителей Древней Письменности за 1877 г. (стр. 1). Самая рукопись, сохранившая этотъ разговоръ, воспроизведена въ XVII-мъ томѣ нумерныхъ изданій того же Общества (Засѣданіе въ Книжной палатѣ 18 февраля 1627 года по поводу исправленія Катихизиса Лаврентія Зизанія).

[26]) Въ III-мъ томѣ изданія Polonicae Historiae Corpvs, на которое мы не разъ ссылались выше, напечатано (стр. 1—4) письмо — Epistola Pisonis ad Ioannem Coritivm de conflictv Polonorum et Lithuanorum cum Moschouitis, написанное въ Вильнѣ 26 сентября 1514 года. Въ этомъ письмѣ, между прочимъ, говорится о русскихъ Великаго Княжества

Литовскаго: «Sentiunt multi ex iis secreto (ut creditur) pro Mosco, nulla alia magis, quam Religionis causa. Eam enim per omnia communem habent, transfugerentque passim multi, nisi exploratam Mosci tyrannidem formidarent».

[27]) См.: И. И. Лаппо, Западная Россія и ея соединеніе съ Польшею въ ихъ историческомъ прошломъ (Прага, 1924), стр. 125—126, 181—183, 187—191.

[28]) Въ дальнѣйшихъ цитатахъ будемъ указывать страницы изданія 1746 года, которое было намъ доступно въ настоящихъ условіяхъ нашей научной работы: «Сіноѱисъ или краткое описаніе о началѣ славенскаго народа, о первыхъ кіевскихъ князехъ и о житіи святаго, благовѣрнаго и великаго князя Владимира, Всея Россіи первѣйшаго Самодержца, и о его наслѣдникахъ, даже до благочестивѣйшаго Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Алеѯіевича Самодержца Всероссійскаго, въ пользу любителямъ Історіи четвертымъ тисненіемъ изданное. Въ Санктпетербургѣ. При Імператорской Академіи Наукъ. 1746. — Кіевскій Синопсисъ, изданный впервые въ 1674 г., связанъ съ именемъ Кіевопечерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля. Въ послѣдующее время онъ былъ дополненъ изложеніемъ событій послѣ смерти царя Алексѣя.

[29]) Стр. 13—83.

[30]) Стр. 84—121, 177—182.

[31]) Стр. 183—185, 121—177, 182, 186—191.

[32]) Стр. 192—201.

[33]) Южнорусскія Лѣтописи, открытыя и изданныя Н. Бѣлозерскимъ. Томъ I. Кіевъ, 1856. Стр. 161—162.

[34]) Лѣтопись Самовидца о войнахъ Богдана Хмельницкаго и о междоусобіяхъ, бывшихъ въ Малой Россіи по его смерти. Москва, 1846 (изданіе Имп. Общества Ист. и Древн. Росс.), стр. 1.

[35]) Южнорусскія Лѣтописи, откр. и изд. Бѣлозерскимъ, стр. 109.

[36]) Краткое Описаніе о Козацкомъ Малороссійскомъ народѣ и о военныхъ его дѣлахъ, собранное изъ разныхъ исторій иностранныхъ, нѣмецкой — Бишенга, латинской — Безольди, французской — Шевалье и рукописей русскихъ, черезъ Бунчуковаго Товарища Петра Симоновскаго 1765 года. Москва, 1847 (изданіе Имп. Общества Ист. и Древн. Росс.).

[37]) Исторія Русовъ или Малой Россіи. Сочиненіе Георгія Конискаго, Архіепископа Бѣлорускаго. Москва, 1846 (изданіе Имп. Общества Ист. и Древн. Росс.), стр. 3—5, 199. Происхожденіе «Исторіи Русовъ» связано съ именемъ Г. А. Полетики, бывшаго депутатомъ Малороссійскаго шляхетства Лубенскаго полка въ Екатерининской Депутатской Коммиссіи 1767 г.

[38]) Исторія Малой Россіи. Часть первая. Отъ водворенія Славянъ въ сей странѣ до присоединенія оной, въ 1654 году, къ Россійскому Государству Царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Москва, 1830, стр. V, 3 (примѣчаній) и 360.

[39]) И. Лаппо, Происхожденіе украинской идеологіи новѣйшаго времени. Ужгородъ, 1926. (Изд. Общества им. Александра Духновича, выпускъ 28).

ШКОЛЬНАЯ ПОМОЩЬ
УЖГОРОДЪ